

СЕРГЕЙ НИКИТИН

СТРАНА ИМЕН

Санктъ
Митербурхъ

КАК МЫ НАЗЫВАЕМ
УЛИЦЫ, ДЕРЕВНИ
И ГОРОДА В РОССИИ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Что такое Россия

Сергей Никитин

**Страна имен. Как мы называем
улицы, деревни и города в России**

«НЛО»

2020

УДК 821.161.1'323.21

ББК 81.411.2-316

Никитин С. А.

Страна имен. Как мы называем улицы, деревни и города в России /
С. А. Никитин — «НЛО», 2020 — (Что такое Россия)

ISBN 978-5-4448-1379-9

Географические названия — топонимы — наш главный ориентир в пространстве, но с их помощью можно перемещаться и во времени: в каждом имени — надежды, амбиции и эстетика разных эпох. С X V III века российская власть активно участвует в топонимическом творчестве, используя названия как инструмент идеологического влияния. Стремление подчинить топонимику большим государственным задачам приводило к тому, что за сменой правителей и режимов следовали волны переименований. В книге Сергея Никитина слой за слоем расшифрованы смыслы, таящиеся в нынешних и прежних названиях российских городов, деревень и улиц. Каждая глава — это путешествие по огромной стране, от Владивостока до Новозыбкова, от Норильска до Сочи, и ее истории — от Петра Великого до наших дней. Сергей Никитин — историк, культуролог, создатель и руководитель международного просветительского проекта «Велоночь» (VeloNotte), известного ночными велопрогулками с учеными и архитекторами по городам мира.

УДК 821.161.1'323.21

ББК 81.411.2-316

ISBN 978-5-4448-1379-9

© Никитин С. А., 2020

© НЛО, 2020

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО. НЕМЕЦКАЯ МОДА	14
Глава 2. ЖЕНСКИЕ ИМЕНА НА КАРТЕ РОДИНЫ-МАТЕРИ	22
Глава 3. ФРАНЦУЗСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО	27
Глава 4. ТОПОНИМИЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ	32
Глава 5. ОТ СЕВАСТОПОЛЯ ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ. ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ	35
Глава 6. ЯИК → УРАЛ. ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ РАДИ ЗАБВЕНИЯ	42
Глава 7. МАРКС, ЗОРКИНО И ПАМЯТЬ О НЕМЦАХ ПОВОЛЖЬЯ	48
Глава 8. РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ СЫНА. ДЕ-ЕКАТЕРИНИЗАЦИЯ ТОПОНИМИИ В ПРАВЛЕНИЕ ПАВЛА I	51
Глава 9. ОТ ПОЦАЛУЯ ДО МАКДАКА	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей Никитин

Страна имен Как мы называем улицы, деревни и города в России

ВВЕДЕНИЕ

СТРАНА ИМЕН И ТОПОНИМИЧЕСКИЙ ГЕДОНИЗМ¹

Топонимика – это язык земли, а земля есть книга, где история человечества записана в географической номенклатуре.

Николай Надеждин

Церемонен – как в барочных кружевах – *Екатериненталь*, названный Петром Великим в честь своей жены Екатерины. Током бьет конструктивистская *Электросталь*, которая в 1928 году сменила на карте *Затишье*: можно ли лучше рассказать о смене общественных приоритетов, от тишины к веку скорости? Подчеркнуто самокритична *Грязнуха* – частотное имя, которое сто лет назад носил десяток деревень Российской империи – от Тувы и Алтая до волжских степей; большая их часть была дана по местным речкам.

Мы живем среди имен. Географические названия – топонимы – экономят наше время в диалоге. Но, помимо главной функции – обозначения, в каждом топониме – ритм и эстетика своего времени, его надежды и амбиции. Чтение карты и сопоставление ее с реальными объектами иной раз доставит удовольствие поэтической гармонией, а в другой наскучит или рассмешит. Как в случае искусства или кулинарии, дело в подготовленности восприятия и чувстве голода.

¹ Список использованных источников по главам смотрите на странице <http://moskultprog.ru/strana-imen-bibliografia/>

Привет из Урюпинска! Фотография Сергея Никитина

Как история отражается в именах улиц и поселений? Прогулка по картам – старым и новым – это восстановление смыслов разных эпох. Моды, войны, люди, производство. Часто лишь топонимы напомнят о том, что на месте железобетонного района *Отрадное* когда-то цвели яблоневые сады одноименного подмосковного совхоза. В столичном топониме *Старокирочный переулок* заключена память о *старой кирхе* – лютеранской церкви Петра и Павла, где молились сподвижники и друзья Петра Великого.

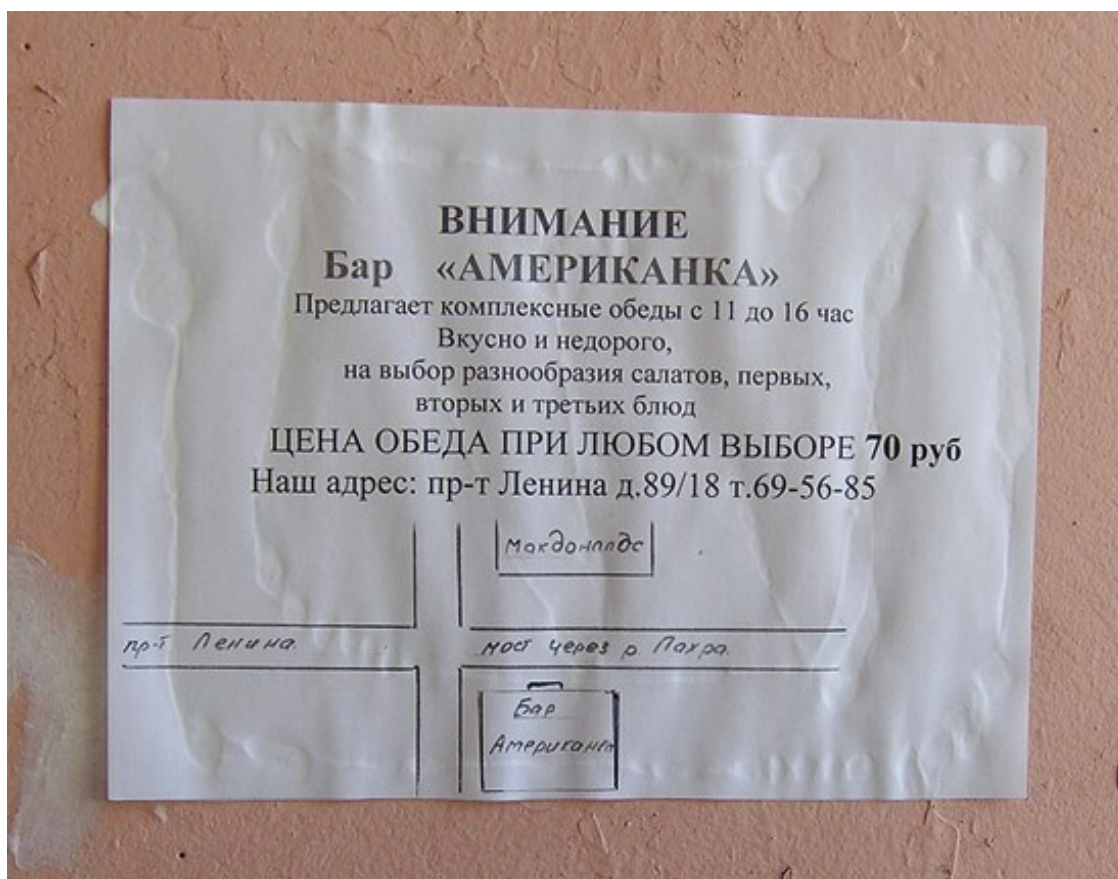
XXI век не отказывает себе в семантических играх и ассоциациях: *город-событие Лайково* взял себе имя соседней деревушки по ассоциации с лайками (англ. *like*) в социальных сетях, следуя эстетике 1920-х придумали *Доброград*, на окраинах городов можно встретить новые поселки *Простоквашино* – очевидно, топоним из сказки Эдуарда Успенского вызывает уютные ассоциации. К эпохе модерна обращается название поселка *Шервуд* – по имени династии архитекторов Шервудов рубежа XIX и XX веков.

Топонимия – универсальная тема для разговоров. В поезде, на работе, с друзьями рассуждать о ней увлекательно, будь то народная этимология или исторический анализ. Большинство глав этой книги можно воспринимать как путешествие – от *Владивостока* до *Сочи*, от Петра Первого до наших дней. Читателям, вероятно, знакомы книги про исторические трансформации старинных названий, связанные с контактами разных народов – напомним

труды Владимира Нерознака о древнерусских городах, Валерия Васильева о Новгородском крае, Александра Матвеева о Русском Севере. В эпоху оттепели изучение названий привлекло талантливых исследователей – Владимира Никонова, Александру Суперанскую, Евгения Поспелова, Эдуарда Мурзаева, создавших словари и монографии, которые заложили основу современной топонимики.

В Брно сохраняется тройная нумерация домов – по улице, району и кварталу. Фотография Сергея Никитина

«Американка» в Подольске напротив «Макдоналдса»: так идет топонимез. Фотография Сергея Никитина

Мы все время думаем об именах. Называем, меняем, возвращаем. Уже три века в моде нейминг и ребрендинг. Топонимическое беспокойство – наша интересная черта. Английские ученые пятьсот лет трудятся в Бычьем броде, немцы живут в Свином броде, но Оксфорд и Швайнфурт не переименовывают. А в России время от времени просыпается детское недовольство собой, которое выражается в первую очередь топонимически. Ведь сменить имя проще, чем измениться. В этой книге мы обращаемся к корпусу имен Нового и Новейшего времени, эпохе активного вмешательства в топонимическую систему, использования названий для внутри- и внешнеполитических, просветительских, стилистических и прочих целей. Афанасий Селищев в конце 1930-х годов предложил выделять языковые моды в топонимии России, мы разоведем этот модный каталог другими эпохами и событиями, чтобы в итоге через имена рассказать Россию.

ТОПОГЕНЕЗ НА ПРИМЕРЕ ПУШКИНСКИХ МЕСТ В МОСКВЕ И НЕ ТОЛЬКО

Топонимы можно делить на официальные – законодательно утвержденные и неофициальные – существующие в устном общении. Обычно в книгах по топонимии обсуждаются официальные названия, и все богатство именного творчества сводится к формулировкам, принятым в делопроизводстве. На самом деле имен гораздо больше.

Повсюду, где живут люди, идет *топонимез* – процесс рождения, эволюции и исчезновения мест и их имен. Место – любой участок планеты, у которого есть социоэкономическая или урбанистическая значимость. Что первично, имя или место? Это спор о курице и яйце. Одно

без другого долго быть не может. Чем более интересно людям место или название, тем больше у него шансов задержаться в общении, а потом, возможно, попасть на карту.

Еще лет сто пятьдесят назад в центре Москвы можно было обходиться без топонимов. В записи о рождении и крещении Пушкина в храме Богоявления в Елохове сказано: «Во дворе коллежского регистратора Ивана Васильева Скварцова» – этого было вполне достаточно. Почти сто лет историки искали и не могли обнаружить место, где это на самом деле произошло, пока Сергей Романюк не установил, что дом стоял на месте современной *Малой Почтовой*, 4.

Во все времена во всех странах мира заведения общепита участвуют в пространственной ориентации: это тепло, свет, веселые разговоры и, конечно, ароматы. Россия не исключение. В родной Пушкину *Немецкой слободе* Москвы шумели в его времена *Ладога* и *Разгуляй* – они дали названия современным *Ладожской* улице и площади *Разгуляй*.

И в Западной, и в Восточной Европе наиболее принятой формой ориентира были храмы, они часто давали имя окрестностям. Выразительная архитектура и активная приходская жизнь влияли на рождение топонимов. «У *Харитонья в переулке*» – типичный адрес москвича пушкинской поры из романа «Евгений Онегин». *Харитоний* в данном случае – устный вариант имени церкви Харитона Исповедника, что в Огородниках. Такой адрес не был абсолютным, предполагал общение: доедете до нее, а там подскажут, где живет Татьяна. Сам Александр Сергеевич в детстве жил в том же самом переулке у Харитония со своей семьей, в палатах Волковых-Юсуповых. Храм снесли, но палаты стоят, их адрес: *Большой Харитоньевский переулок*, дом 21, строение 4. Сходная ситуация с навигацией была во многих европейских городах до прихода Наполеона, который ввел нумерацию домов по улицам. Старой системой можно насладиться в Венеции, где до сих пор дома нумерованы по районам (*sestiere*), центрами которых являются приходские храмы, а номера по улицам отсутствуют. Например, в районе *Сан Марко* дом 1 – базилика Сан Марко, а последний дом – 5562. Без спутниковой карты легко потеряться.

Сейчас в наших городах много памятников, а раньше каждое открытие монумента было большим городским событием. На памятник Пушкину в Москве более десяти лет по копейке собирала вся страна. Тогда на *Страстной площади* доминантой была высокая колокольня Страстного монастыря, но вскоре памятник стал местом встреч. Потом монастырь снесли, площадь переименовали в *Пушкинскую* и перенесли на нее памятник с бульвара.

Во время советской культурной революции большинство храмов закрыли, часть разобрали; со временем главными ориентирами – и топонимами – стали элементы инфраструктуры, в Москве это станции метро. Нет улицы или площади *Щелковской*, но вполне достаточно, что есть такая станция метро – и вот ты живешь на *Щелковской* или на *Щелчке*, как любят выражаться местные жители. Если мы встречаемся на *Молодежной*, то имеется в виду не *Молодежная улица у Университета*, а окрестности метро *Молодежная* в *Кунице*, в десяти километрах от Университета. Никому в Беляеве – спальном районе Москвы – не придет в голову говорить *площадь Мартина Лютера Кинга*, хотя имя борца с расизмом на карте существует уже тридцать лет. Почему? Потому что перекресток, который она обозначает, не ощущается как площадь. Как же местные называют эту оживленную, насыщенную торговлей и транспортом часть города? *У метро*, либо *у Беляево*. Все то же, что *у Харитонья*.

Заметным элементом ландшафта наших городов в XX веке были заводы, на которых работали тысячи людей. Их названия дали имя официальным и неофициальным районам *Петербурга*, *Свердловска-Екатеринбурга*, *Челябинска* и других городов. Чугунолитейный завод имени *Войкова* дал имя станции метро *Войковская* и поселку *Войковец*. Местные жители, которым не повезло жить рядом с дымящими трубами этого завода, называли его страшным именем *Бухенвальд* – по имени нацистского концлагеря. Неофициальное имя *Бухенвальд* носили и другие экологически неблагополучные предприятия в *Смоленске*, *Ленинграде* и других городах СССР.

В большом городе люди используют разные наборы топонимов. Все зависит от пола, возраста, интересов, специальности и даже вида транспорта, которым пользуется горожанин. Кто-то обратит внимание на цветочный магазин или магазин косметики, другой ориентируется по бензоколонкам или секс-шопам. У каждого свой топонимикон.

КОНЦЕПТ ТОПОНИМА: ОТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ

В конце XVII века император Петр Великий стал давать европейские по звучанию имена городам, крепостям и виллам. Цивилизационной моделью для царя была Западная Европа и, в частности, Нидерланды – в те времена экономический и культурный лидер. Но еще до своей поездки в Амстердам на берегах реки Яузы будущий царь познакомился с жителями Немецкой слободы – и близ *Преображенского* дворца построил для своих батальных игр потешную крепость *Пресбург*. Здесь же заседал *Всеишутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор*.

В 1703 году на отвоеванной у шведов территории загорелась звезда *Петербурга*. Тогда же появились на нашей карте первые посвящения женщинам. Огромное влияние на европейскую и российскую топонимию оказала Франция эпохи Просвещения и Великая французская революция (1789–1799): многие семантические типы французских названий были заимствованы в XIX–XX веках, особенно после Октябрьской революции.

Откровенный век Екатерины Великой обратил внимание на оскорбительные названия – так началась первая масштабная стилистическая реформа нашей карты. Впрочем, «оскорбительность» – понятие растяжимое, джентрификация продолжается по наше время – то тут, то там заметят *Суково* или вдруг кого-то огорчит, что он живет в *Собакине*. Аналогичный процесс касался внутригородских имен Петербурга: 8 (19) мая 1768 года императрица распорядилась, чтобы «на концах каждой улицы и каждого переулка привешивать досок с имяни той улицы или переулка на русском и неметском языке; у коих же улиц или переулков нет еще имян, то изволь оных окрестить. Форм же досок получе и почище сделать, хотя без многих украшений, но просто».

После усмирения пугачевского бунта была проведена топонимическая аннигиляция имени *Яик*. Имя запретили, однако оно живо и в наши дни – кафе «Яик» есть на трассе Самара – Оренбург, и в казахстанском *Атырау* (бывший *Гурьев*); в самом Оренбурге так называется гостиница, неподалеку от которой приветливо распахнул двери ресторан «Русский бунт».

При Екатерине Великой на юг России, который в те времена находился под постоянными ударами степных кочевников, пригласили немцев из беднейших районов Германии: они украсили карту десятками германизмов, которые потом – вместе с колонистами – распространились по другим районам империи. Символом имперских амбиций стали греческие имена, которыми Екатерина, Потемкин и Безбородко активно именовали вновь приобретенные территории на Юге России, окрестности Петербурга и даже внуков императрицы.

В середине XIX века Россия занялась своими восточными границами, у будущей столицы *Приморья* – Владивостока – возник поэтический ансамбль древнегреческих имен. После публикации «Истории государства Российского» Николая Карамзина (1816–1829) наша древность стала привлекать внимание широкого круга подданных, и вот на карты городов шагнуло *Куликово Поле*, а за ним – имена поэтов и писателей, *Пушкина*, *Державина*, *Лермонтова*.

Вслед за новейшими техническими изобретениями в начале XX века на картах зачастили техницизмы:

– Вам на Телеграф? Так вам на *Телеграфный*.

В 1920–1930-е родители называли детей *Кимами*, *Элями*, *Ренатами*, а имена поселков и колхозов звучали как девизы или иностранные слова – *Каронесоюз*, *Профинтерн*, *За*

Родицу! Однако по своей сути новый советский концепт топонима не был революционен: главными стали верноподданнические персональные посвящения – *Троцк, Куйбышев, Свердловск* и другие, которые пришли на место посвящений (или кажущихся посвящений) царской семье и их приближенным. Использовались имена и живых вождей революции. Новой стала вера в жизнеустроительную функцию имени: новое имя даст заряд развитию места. Самыми популярными на всех уровнях топонимии были производные от слова *красный*, причем как на русском – *Красноармейск, Красногорск, Краснознаменское, Красногвардейск*, так и на других языках – *Йошкар-Ола, Червоноград, Кызыл* и другие. Тогда все было красным.

Топонимия стала частью официальной пропаганды, а в 1937 году в ее оборот попал и Пушкин. Тогда буквально в каждом городе СССР появились посвящения к столетней годовщине гибели поэта. Свидетели переименований мрачно шутили: даже если бы Пушкин был бессмертен, все равно не пережил бы 37-й год. Ни до ни после ничего подобного той кампании не случилось ни с одним деятелем нашей культуры.

С десятилетием правления Никиты Хрущева связан новый пик топонимической активности. Вместе с легендарными хрущевками на карте появились *Черемушки* и другие ботанические имена – подальше от вождей и генералов. Подобная ботанизация характерна и для послевоенного Рима, который после фашизма и нацистской оккупации искал новый язык.

Перестройка в топонимии началась с Урала. На новый, 1985-й, год жители Ижевска неожиданно проснулись в *Устинове* – в память о министре обороны Дмитрие Устинове. Уже на обсуждении присланного из Москвы названия в городском Дворце культуры единогласного решения не получилось. Проголосовали «за» лишь солдаты-стройбатовцы из других городов. Власть не сомневалась, что город военных заводов будет счастлив носить имя многолетнего министра – кормилец все-таки. Но не в этот раз: студенты университета начали собирать подписи за отмену решения, в феврале дело дошло до митинга – немыслимого в те времена. 900 дней спустя, после сотен писем и телеграмм в Москву от рядовых граждан, людям удалось вернуть столице Удмуртской АССР старое имя *Ижевск* (по реке *Иж*). Вероятно, с этого эпизода, который показал неожиданное единение людей по такому, казалось бы, периферийному поводу, началась активная борьба за возвращение исторических имен. В мае 1986 года в самом центре Москвы вернули *Остоженку* – такое домашнее по звучанию имя от слова *остожье* – покос, луг, оно выделялось на фоне идеологизированной топонимии столицы СССР. Возвращение Остоженки было поддержано тогдашним руководителем московского комитета КПСС Борисом Ельциным. Вслед за *Ижевском* и *Остоженкой* *Калинин* стал *Тверью*, *Свердловск* – *Екатеринбургом*, *Загорск* – *Сергиевым Посадом* и так далее. В 1991 году город на Неве – вопреки позиции председателя Ленсовета Анатолия Собчака – вернул себе имя своего основателя: *Санкт-Петербург*.

Интересно наблюдать за народными названиями, которые сейчас фиксируются на письме и используются в рекламе. Маркерами пространств – как и в старину – становятся кафе, магазины, торговые центры, и чем они веселее – тем вероятнее, что пойдут в народ. Это знают хозяева, взявшие для своих бизнесов такие яркие имена, как петербургская «Жопа», «Едим руками», московские «Пьяный дятел» и «Дорогая, я перезвоню». По ним мы с удовольствием ориентируемся, а если кабак проживет лет десять – возможно, дело дойдет и до официального топонима.

Ключевые географические названия в этой книге выделены курсивом.

* * *

Я благодарю Марину Авдоницу за многолетние консультации и помощь в разработке теории топонимии. Ирину Прохорову за терпение. Дмитрия Спорова – за помощь в подготовке этой книги. Лауру Сальмон, Юрия Степанова, Серджи Раффаэлли, Екатерину Яковлеву, Миха-

ила Шифрина, Стефано Алоэ, Александра Никитина Анастасию Железнову, Паулу Чиколеллу, Энцо Кафарелли, Юлию Зинкевич, Луку Серианни – за ценные комментарии к моей работе, за вдохновение для дальнейших поисков. Моих дорогих научных руководителей в Московском университете и Институте языкознания РАН – Алексея Власова и Александру Суперанскую. Благодарю Ольгу Сеницыну, Вадима Басса, Светлану Неретину, Евгению Меркулову, Александра Гренкова, Дмитрия Талашова, Викторию Аристову, Алексея Петухова, Елену Голубеву, Свята Мурунова, Сако Абояна, Полину Васильеву за поддержку и предоставленные материалы.

Глава 1. ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО. НЕМЕЦКАЯ МОДА

Как и мы сегодня, царь Петр писал и мыслил, используя в речи элементы из разных языков. Чем по сути отличается его фортеция, текен, абордаж от нашего айфона или пеньюара? С юности Петр был очарован московской *Немецкой слободой*. В этот окраинный район на берегу реки Яузы и ручья Кукуй его отец, царь Алексей Михайлович, переселил экспатов из Западной Европы, в том числе для того, чтобы не смущали своими нравами православных москвичей. По иронии судьбы именно там Петр нашел верных друзей и учителей – женеваца Франца Лефорта (François Le Fort), шотландца Патрика Гордона из Охлухриса (Patrick Leopold Gordon of Auchleuchries) и многих других – их всех тогда называли немцами. В любом языке масса заимствований, но Петр превзошел многих. И он очень любил создавать имена.

Едва ли не самым первым известным нам петровским топонимом стал *Пресбург* – так он назвал потешную крепость в изгибе реки Яузы, напротив села *Преображенского*. В своих письмах он называл его «стольный град *Прешбург*». *Pressburg* (немецкое название *Братиславы*) в тот момент был столицей Венгерского королевства, которое уже вошло в состав Священной Римской империи германской нации. Топоним он мог почерпнуть из иноземных книг, например из вольного русского перевода знаменитого трактата капитана Иоганна Якоби фон Вальхузена «*Kriegskunst zu Fuss*» («Военное искусство пехоты»), который в России вышел в свет под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» в 1647 году. Возможно, он был знаком с этим трактатом по рассказам немца Федора Зоммера, который обучал будущего царя «гранатному, пушкарскому и огнестрельному делам» и был назначен им генералом своих потешных войск, на основе которых позднее была сформирована регулярная русская армия. Почему из всех крепостей Европы выбор пал именно на этот топоним? Думаю, что определяющим был квадратный план замка на Дунае, который взяли за образец на Яузе, а заодно и звонкое название – *Прешбург*.

Петровские реформы были радикальны во всем, в том числе и в топонимике. Цирюльник стрижет раскольника (русский лубок). Д. А. Ровинский. Русские народные картинки. Атлас. Т. I, л. 227. Санкт-Петербург, 1881

От своего далекого родственника замка Пресбург (он же Позжонь, ныне Братислава) на Дунае стольный град Прешбург на Яузе получил не только имя, но и четырехугольную форму. Пресбург. Австро-Венгрия. Почтовая карточка. 1890-1900 гг. Библиотека Конгресса США

Строительство объекта велось неторопливо начиная с 1684 года и завершилось спустя пять лет – в том же 1689 году Петр в результате дворцового переворота отстранил от власти старшую сестру Софью, которая вскоре умерла, и стал – де-факто – единоличным правителем. Самое время повеселиться! Яузский *Пресбург* стал военным полигоном и лабораторией карнавализации.

Здесь Петр Алексеевич стал собирать своих ближайших друзей на Всешутейший, всепьянейший и сумасброднейший собор – одну из самых скандальных институций эпохи. У всех участников были нецензурные прозвища: у Петра I – *Пахом-нихайхуй*, у его друзей не менее своеобразные – Опраксин (Апраксин) получил прозвище ключаря *Починихуя*, Мусин-Пушкин – ризничего *Изымайхуя* и так далее (ищите полный список в интернете). Состав участников менялся, в 1706 году их было двадцать восемь, и вместе они проводили время очень весело.

Жизнь на Яузе привела юного царя к мысли о военно-морском флоте, которую спустя несколько лет он реализовал в Воронеже: в 1700-м там был спущен на воду 58-пушечный парусный линейный корабль «Гото Предестинация». Петр лично участвовал в его проектировании и строительстве. Иностранное название корабля составлено из двух слов: немецкого Gott и латинского Praedestinatio. Петр имел в виду «Божье сему есть предвиденье». Историк флота Николай Каланов приводит интересный факт: название на корме писалось латинскими буквами, «чтобы смысл имени был более понятен европейским послам и специалистам». Увы, громкое имя не прозвучало: после неудачного Прутского похода корабль был продан Османской империи. Но в 2014 году он был неожиданно воссоздан и теперь пришвартован в Воронеже у *Петровской набережной* – если судить по инстаграму, это чуть ли не самая популярная достопримечательность города.

Дальше в дело вступила ирония. Как вам корабль «Пивоносец» (он же «Бир-Драгерс») или «Виноносец» («Вейн-Драгерс»)?

Каждый новый парусник украшали не только имена, но и девизы, в выборе которых тоже участвовал царь: «Бомба», девиз – «Горе тому, кому достанусь»; «Черепаша» – «Терпением увидишь делу окончанье»; «Спящий лев» – «Сердце его бдит»; «Шпага» – «Покажи мне суть лаврового венца»; «Три рюмки» – «Держи во всех делах меру». Девизы писали на бортах. Причем в общении колоритно путали названия и девизы, и в 1700 году в письме можно было прочесть: «...надобно морского каравана капитану Ивану Бекману на три корабля именуемые: „Смертью его исцеляются“, „Крепость“, „Дверь отворена“, по полсажени дров для варения смолы».

Большинство тогдашних кораблестроителей и офицеров-моряков были из Европы, не знали русского языка, поэтому многие корабли носили по два и более названий, чаще всего русское и его перевод на голландский, английский, немецкий, французский языки. Каланов приводит такие названия:

«Соединение» – «Уния» – «Ейнихкейт»;

«Безбоязнь» – «Сундербан» – «Сондерфрест» – «Ондерфрест»;

181. Een kaars waarby andere worden aangesteken.

БЕЗВРЕДЪ СВѢТА ЕМ.

Sine damno suæ lucis. Sans dechet de sa lumière. Senza mancanza del suo lume. Sin perdida de su luz. Zonder schade van sijn ligt. Without loosing its ligts. Ohne schaden ihres liechts.

182. Een Zeilsteen.

ОУОТНУ ТАМЪТЫ БЫВАЕМЪ.

Volentes trahimur. Force volontaire. La forza voluntaria. Fuerça voluntaria. Willende worden wy getrokken. We are drawn willingly. Wir werden willig gezogen.

183. Een Graf-stede en daalende Son.

ОБЪАВЛАЕ ПРѢДАДЦЕЕ.

Futurum indicat. Il pronostique l'avenir. Pronostica l'auenire. Pronostica lo venidoro. 't Geeft 't toekomstende te kennen. It prognosticates the future. Es zeigt das zukünftige.

184. Een boom op een rots.

КТО МОЖЕ ЕГО ИЗВЛЕЧЬ.

Quis evellet? Qui pourra l'arracher? Chi mi potrà fradicare? Quien me podra desariagar. Wie zal hem afrukken konnen. Who can root it out. Wer kan ihn aufreißen.

185. Een Liefde-strik.

СМЕРТЬ ЕДИНА МА РОЗВЪЖЕ.

Mors sola resolvat. La mort seule me denouera. La morte sola mi scioglerà. La muerte sola me desarará. De dood zal my alleen ontknoopen. Nothing but death is tu unty me. Der Todt allein kan mich auflösen.

186. Een Brander.

ОУГРОЖАЕ А НЕ ОУСТРАШАЕТЪ.

Damnum minatur non timet. Il menace & n'a point de peur. Si fa temere, e no teme. Se haze temer y no teme. Hy dzeigt en hy schroomt niet. It threatnes, and it does not fear. Es trohet / und fürchtet nichts.

Имена кораблей Петр брал из книги «Символы и эмблематы», которую по его заданию скомпилировали и перевели в Амстердаме (1705). Основой послужили две иллюстрированные книги французского гравера и писателя Даниэля де ла Фей (Daniel de La Feuille). Разворот книги «Символы и эмблематы». Амстердам, типография Генриха Ветстейна, 1705

«Благое начало» – «Благословенное начало» – «Благое начинание» – «Гут анфа-ген» – «Гут бегин» – «Де сегел бегин».

В последнем случае очевидно, что первым было иностранное имя, а в документах приводился свободный перевод, исполненный тремя разными способами.

Многие из этих имен остались в русском флоте. Например, название «Не тронь меня» – это перевод фразы, которую Христос говорит Марии Магдалине после своего Воскресения: *Μή μου ἅλτου* (в синодальном переводе звучит как «Не прикасайся ко Мне»). Это название продолжали давать парусникам до середины XIX века, но в историю вошел корабль уже советского периода. Это было неофициальное название ПЗБ (плавучей зенитной батареи) № 3 – она пробыла в боевом строю 10 месяцев и 24 дня и стала одним из главных символов обороны Севастополя 1942 года.

А вот веселые «Три рюмки» на флоте не прижились.

Шло время, и Петру все больше нравилось играть в имена.

Настало время первых побед над шведами. Взятие *Нотебурга* (1702) на Неве повлекло его переименование в *Шлиссельбург* (от нем. «ключ-город»), по ключевому положению города на Ладоге. Петр знал, что до шведской оккупации крепость на острове *Ореховый* называлась *Орешком* и основал ее новгородский князь Юрий Данилович еще в 1323 (!) году, а *Нотебург* – это перевод русского названия. «Правда, что зело жесток сей орех был, однако же, слава Богу, счастливо разгрызен», – так извещал царь своего сподвижника Андрея Виниуса о взятии *Нотебурга*. Тем не менее исконное русское название было Петру неинтересно.

Эта сцена из Евангелия вдохновила Петра на парусник «Не тронь меня». Александр Иванов. Явление Христа Магдалине после воскресения © Русский музей, Санкт-Петербург

В мае 1703 года только что взятый *Ниенисанц* был переименован в *Шлотбург*, причем изменений в значении не произошло: шанц и шлот значат по-шведски «крепость». Крепость в финском заливе называли *Кронилот* (шв. или голл. «коронный замок»); уже после смерти Петра он стал *Кронштадтом*. Метод Петра лучше всего проявляется в отношении крепости

Ям, основанной новгородским боярином Иваном Федоровичем в 1384 году. В 1703 году на возвращенный России старинный топоним *Ям(а)* нахлобучили германский корень «бург» – получился *Ямбург*, в котором уже никто никогда не узнает русский ям, место стоянки ямщиков. Ныне это *Кингисепи* Ленинградской области – в память об эстонском коммунисте Викторе Кингисепе, соратнике Ленина и Дзержинского.

В 1703 году, 29 июня, на Петров день, на Неве освятили новую крепость, а на следующий день Петр уже оставил пометку на письме, которое получил от боярина Тихона Стрешнева: «Принята с почты в Санкт-Петербурхе». Однако уже через несколько дней он писал: «Из Санкт-Питербурха» и «Из новой крепости Питербурга» – топоним у царя родился вариативным. По подсчетам Евгения Поспелова, только за первую треть XVIII века современники перепробовали тридцать разных вариантов написания имени города – а ведь речь идет о столице, благо норм орфографии в тот момент не существовало!

Для топонимиста феномен петровских названий заключается в том, что царь неизменно использовал иностранную основу и способы образования слова. Но зачем?

Нарочитая иноязычность топонимии Петра обращена в две противоположные стороны. Прежде всего, петровские названия, появляясь на границе с Европой, служат заявлением о желании монарха быть равным европейским государям, говорить с ними на одном языке. С другой стороны, в них проявляется желание подтянуть российскую элиту, перевести ее на европейские рельсы. С иноземцами Петру было интереснее. Таким образом, германские названия стали интеллектуальным вызовом старинному родовитому люду, впрочем, как и другие семиотически значимые поступки царя: сбривание бород, введение нового платья, выведение женщин из теремов...

Адресат топонимии Петровского времени – не народ, а узкий слой приближенных царя и заграница, в том числе многолетние враги – шведы. Новые территориальные приобретения России, таким образом, естественно вписываются в иноязычное топонимическое пространство. Это беспрецедентно для новой и новейшей истории.

Неприспособленность новых названий для русского слуха отразилась в появлении их упрощенных форм: *Шлиссельбург* стал *Шлюшиным*, *Ораниенбаум* – *Ранбовом*. Да и сам Петр I, по-видимому, имел обыкновение называть свою новую столицу просто «Питер», что быстро вошло в обиход и сохраняется в неофициальной речи и в наше время, несмотря на несколько прошедших за сто последних лет перемен названия города.

* * *

Эту главу я назвал «топонимическими войнами», но точнее, пожалуй, именовать их «играми». Войны тоже разновидность игры, только проявляющейся в наиболее агрессивной форме, и основатель Российской империи их очень любил, причем воевал он не только с иностранным противником, но и со своими подданными. До Петра I топонимия страны формировалась естественным путем – карта регистрировала местные природные, хозяйственные и социальные ориентиры, прежде всего через имена их владельцев. В его правление прежнюю топонимию сменила топонимия декретная, государственная, которая проводилась волевым решением, в частности через замену одних названий другими. Можно сказать, что при Петре топонимия стала частью государственной политики.

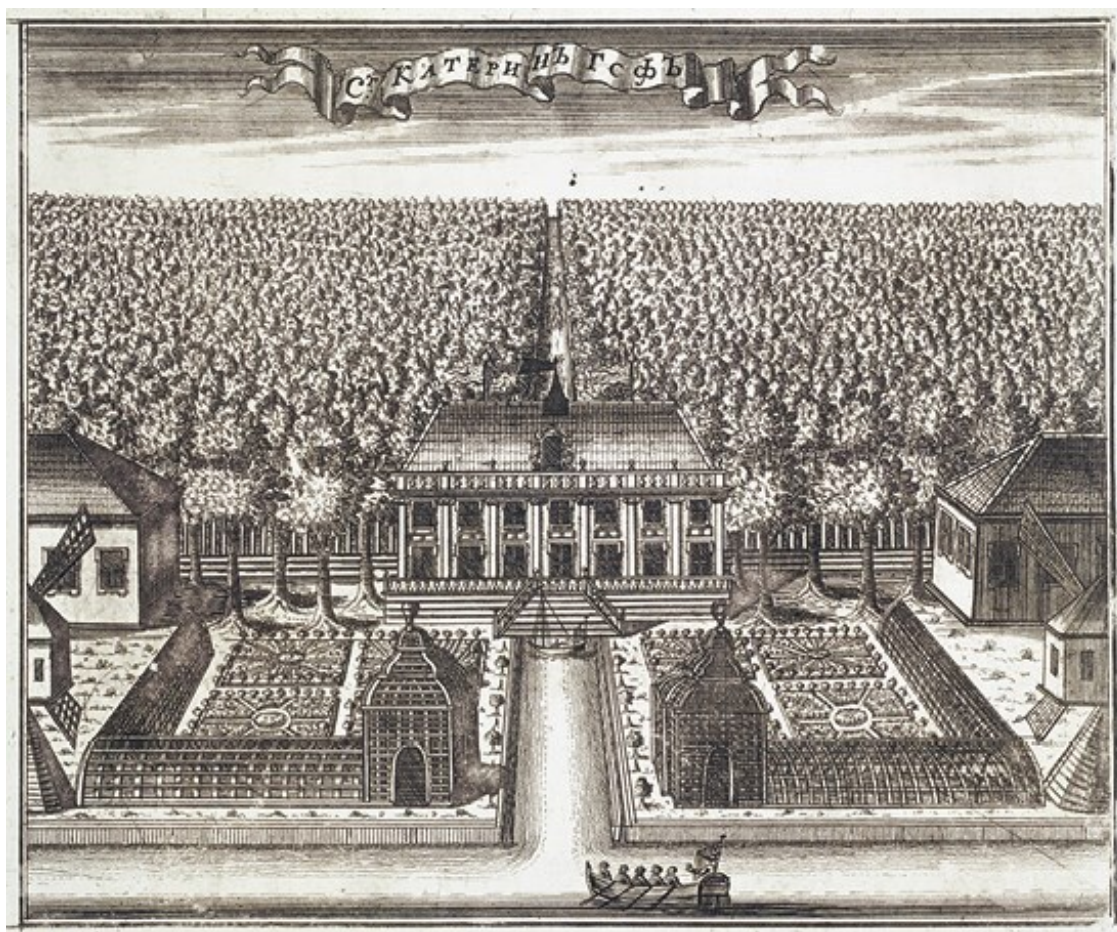
Топонимические войны продолжились в Греческом проекте Екатерины Великой, а затем – в показательной русификации топонимии различных областей Российской империи при Александре III, Николае II и далее – в Советском Союзе. Новый концепт пережил не только самого Петра и его преемников, он стал основой топонимии XX века – революционных переименований 1920-х годов, недаром философ Николай Бердяев назвал Петра I «большевиком на троне».

Глава 2. ЖЕНСКИЕ ИМЕНА НА КАРТЕ РОДИНЫ-МАТЕРИ

Ленинградская область – Саратовская область – Краснодарский край – Ставропольский край

«До Петра I русская женщина, лишенная просвещения и самостоятельности, мирно спала в запортом от всякого общения тереме, представляя собой безличную рабу, всецело подчиненную своему владыке-мужчине», писала Анна Шабанова сто лет назад. Судя по топонимам, примерно так и было.

Названия, производные от женских имен, встречаются на карте России, но доля их незначительна. По подсчетам геодезиста Ольги Слепко, из тысячи топонимов Ярославского уезда 1865 года 2% содержали в корневой части женские христианские имена. На Смоленщине женские календарные имена входили в состав лишь нескольких топонимов: *Акулино, Екатеринки, Варварицина, Аннино, Василиcina, Ганково, Лукеркино, Машино, Софьино, Окулино, Ульянино*. В Одинцовском районе Московской области существует деревня *Марфино*, упомянутая впервые в 1585 году. В то же время во Франции только из тех трех тысяч коммун, которые были переименованы во времена Великой французской революции, мы насчитали более ста пятидесяти топонимов, производных от восьмидесяти различных женских имен.

Таким был Екатерингоф на Петергофской дороге. Тогда эта местность была идиллической. А. Ф. Зубов. Екатерингоф. 1716–1717 © Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург

Петр вывел женщину в свет. Новой роли аккомпанировали топонимы, образованные от женских личных имен. Екатерине I посвящены *Екатеринбург* и *Екатеринополь*. Рядом с *Петергофом*, на берегу Финского залива, появились усадьбы, носящие женские имена: *Екатерингоф*, построенный для жены, и два маленьких деревянных дворца для дочерей – *Анненгоф* и *Елизаветгоф*, в которых они никогда не жили. Принято считать, что дворцы были построены на месте первого морского сражения русского флота, которое произошло у *Калинкиной* деревни: тогда тридцать (!) лодок с пехотой взяли на abordаж и захватили два небольших шведских корабля – «Гедан» и «Астрильд». Этот день – 7 мая по старому стилю или 18-е по новому – считается датой рождения Балтийского флота.

Екатеринбург и *Екатеринополь* являются топонимами-посвящениями: Екатерине I эти местности не принадлежали. В данном случае это рождение нового типа мемориала, который окрепнет в XIX веке и станет монопольным типом топонима в Советском Союзе (*поселок Крупской* в Магеевке, *поселок Коллонтай* в Калужской обл., *оазис Терешковой* в Антарктиде, *поселок им. Расковой* в Магадане).

Куст женских имен на берегу Черной речки зачах в XIX веке – парадизы пали жертвой промышленной революции: вокруг выросли заводы и фабрики. Правда, *Анненгоф* успел повидать на своем веку и Джакомо Казанову, и весь цвет артистической богемы XVIII века – дом много лет снимал антрепренер, композитор и балетмейстер миланец Джованни Локателли, который частенько давал там балы и маскарады. В 1864 году городские власти переименовали зловонную Черную речку в *Екатерингофку*: Черных речек в Петербурге было целых пять, решили оставить название лишь той, на которой стрелялся Пушкин. Деревянных дворцов давно нет и в помине, а от *Екатерингофа* остался парк.

Сентиментальный XVIII и еще больше XIX век насытили карту посвящениями дочерям и женам. Близ знаменитой усадьбы Кузьминки Голицыных сохраняется *Аннино*; принято считать, что эта деревня получила свое название в честь хозяйки усадьбы Анны Александровны Голицыной (до замужества Строгановой). Теперь это район Москвы и станция метро.

Еще сто лет назад район brutального Нижнего Тагила назывался *Матильдиным предметем*, по имени супруги Анатолия Демидова – принцессы Матильды де Монфор, племянницы императора Наполеона Бонапарта. Теперь там пролегает частотная в наших краях *Красногвардейская* улица; в самой усадьбе ныне музей, который, увы, назвали обобщенно: *Демидовская дача*. Матильда в наших краях звучала бы интереснее!

Марьино – усадьба князей Барятинских в Курской области. Роскошный дворец с парком на берегу реки Избицы Иван Барятинский посвятил сразу двум своим женам: Марии Франциске Дегтон, умершей вскоре после рождения дочери, и Марии Федоровне Келлер. Теперь там санаторий Управления делами Президента России. А вот имя района панельных домов *Марьино* в Москве, возможно, произошло от имени Марии Ярославны, жены великого князя Московского Василия II Темного и матери Ивана III, принимавшей участие в управлении княжеством.

Перелетим в Приморье. Здесь в Дальнереченском районе поражает воображение *Ариадное*: в 1907 году землемер Алексей Устинов дал новому переселенческому участку это имя в честь новорожденной дочери Ариадны.

Историк казачества Сергей Самовтор обнаружил несколько названий в честь дочерей Николая II, которые мирно пережили советское время, так как никто не догадался, в честь кого они названы. В Приморско-Ахтарском районе Краснодарского края имеется станица *Ольгинская* (до 1902 года – хутор *Добровольный*), названная в честь великой княжны Ольги Николаевны, дочери Николая II. Имя младшей дочери Анастасии носит село *Анастасиевка* Туапсинского района, до 1902 года называвшееся Чешские Георгиевские хутора. А вот станица

Анастасиевская Славянского района названа по имени другой великой княжны – Анастасии Михайловны, дочери великого князя Михаила Николаевича.

Веселая пасака в Ариадном. Фотография Виктории Котляр

Наступила Советская власть, в установлении которой наравне с революционерами активное участие принимали революционерки. Однако женские имена на карту попадали только в крайнем случае. Верной жене и соратнице вождя Надежде Константиновне Крупской руководство СССР разрешило назвать в ее честь и в память о ней десяток населенных пунктов и улиц. Среди них *поселок имени Крупской* на окраине Твери; помимо улицы имени вдовы вождя пролетариата, там можно встретить три (!) *улицы Марии Ульяновой* – 1-ю, 2-ю и 3-ю. По-семейному устроен и ансамбль на Юго-Западе Москвы, вдоль Ленинского проспекта, где боевую подругу вождя фланкируют *Дмитрий Ульянов* и *Мария Ульянова*.

Вступившая в ВКП(б) в 29 лет дворянка Надежда Крупская многим была известна по псевдонимам, среди которых: Саблина, Н. К., Артамонова, Онегина (!), Рыба, Минога, Шарко, Фрей, Галилей и даже Ленина. Фотография со справки о Н. К. Крупской. РГАСПИ

Железнодорожная станция *Крупская* была открыта под Минусинском в 1965 году. Но, кажется, самым удачным хранителем памяти о Крупской стала петербургская кондитерская фабрика ее имени.

Несколько десятков городов и сел посвятили улицы первым женщинам – героям Советского Союза: Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко и Марине Расковой. В 1939 году они поразили страну, совершив беспосадочный перелет из Москвы в Комсомольск-на-Амуре на самолете АНТ-37 «Родина». Из-за сложных погодных условий девушки не смогли найти аэродром в Комсомольске-на-Амуре и совершили жесткую посадку в лесу. К счастью, их нашли. В честь Марины Расковой в 1984 году назвали поселок центральной усадьбы совхоза «Ленинский путь» под Саратовом, где она погибла во время войны.

Рисунок Юлии Богдановой из детской книги о Валентине Терешковой

Валентина Терешкова – первая женщина в космосе. В ее честь названы кратер на Луне и малая планета 1671 Chaika (по ее позывному – «Чайка»). По данным Яндекс-карт, в России сейчас 324 улицы Терешковой, а улиц Гагарина – 3681. Десятикратная разница. В последние десятилетия в городах появились посвящения Марине Цветаевой и Анне Ахматовой. Однако ойконимов в память о них не обнаружено.

Судя по топонимии, роль женщины в обществе самим обществом еще не осознана. Не нашлось у нас пока места для Волконских: покровительницы искусств Зинаиды и жены декабриста Марии (это ее отъезду к мужу посвятил Пушкин свое стихотворение «Во глубине сибирских руд»). Историческая фигура Екатерины Дашковой – сподвижницы Екатерины II, реорганизатора Академии наук – отражена только в одной улице в Серпухове. Предлагаю дать ее имя одному из объектов на Севере Москвы, где она проживала в усадьбе Михалково, например станции метро «Войковской» или всему району Войковский.

Глава 3. ФРАНЦУЗСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

В Европе XVIII века сформировался новый концепт топонима, имена стали активной частью общественного дискурса, витриной культурной и политической жизни. После Великой французской революции у среднего класса дошли руки до преобразования карт.

Для революции 1789–1799 годов характерна болезненная семиотизация, проникшая во все сферы жизни, от этикета до гастрономии. Старинные, давно онемевшие адреса вдруг зазвучали и заговорили. Ощущая себя в кольце врагов, как внутренних, так и внешних, революция спешно присваивала всему и всем свои имена. Декретом Национального конвента были упразднены христианская эра и календарные месяцы, вместо недель были введены декады, и каждый день декады получил свое название, а 1792 год был объявлен началом новой эры.

В эпоху Просвещения (начиная с конца XVII века) важнейшим качеством литературы, изобразительного искусства и даже архитектуры, помимо красоты и гармонии, стали признавать воспитательную составляющую. Воспитанию личности посвящено творчество крупнейших авторов эпохи, прежде всего Ж.-Ж. Руссо. Разум, проникающий во все сферы общественной жизни, должен воспитывать и обучать – неудивительно, что эта задача стала главной в топониме Европы, а вскоре и России.

Революция закрыла парижский собор Нотр-Дам и устроила в нем Храм Разума. Площадь в те годы тоже называлась в честь Разума. Нотр-Дам. Западный фасад. 1880–1900 гг. Рейксмузеум, Амстердам

В революционной Франции в изобилии появились новые имена собственные. Широко известен случай мэра Куломье, который поменял свою «деспотическую» фамилию *Le Roy* (Король) на *Dix-Août* (десятое августа) – в память о дне взятия дворца Тюильри и свержения монархии – 10 августа 1792 года. Топонимия и антропонимия изобиловали посвящениями историческим фигурам, от античности до современности. Например, в Руане новорожденную девочку могли назвать *Fleur d'Orange Républicaine* (Республиканский цветок апельсинового

дерева) или *Amour Sacré de la Patrie l'an Trois* (Священная любовь к родине, год третий). Впрочем, большинство из них в сознательном возрасте расстались с этими именами, как и наши российские *Электрификации* и *Оюшминальды*.

Революция породила новый тип – мемориальные названия. Мемориала светским лицам в дореволюционную эпоху еще не существовало – так же как не существовало культуры постановки памятников светским деятелям, поэтам и писателям. В Париже в 1790-е годы появились улицы и площади, посвященные интеллектуалам: улица Жан-Жака Руссо (*rue Jean-Jacque Rousseau*), набережная Вольтера (*quai Voltaire*). Вторая важнейшая группа, родившаяся в годы революции и ставшая чрезвычайно важной для Европы и в том числе России, – топонимизация национальных героев. Обратим внимание: с самого начала эта группа была нестабильной, названия менялись из-за смены политической конъюнктуры: *Rue Marat* (улица Марата) просуществовала в Париже лишь с 1793 по 1795 год, *Rue Mirabeau* (улица Мирабо) – один год, с 1791 до 1792 года.

Наряду с этими мемориальными названиями стали появляться символические наименования: мост Человечества (*pont de la Humanité*, 1793–1795), улица Братства (*rue de la Fraternité*, 1793–1800), улица Честных граждан (*rue des Francs Citoyens*, 1793–1800). Площадь перед собором Парижской Богоматери (*Parvis Notre-Dame*) в 1792–1800 годах называлась площадью Разума – *Place de la Raison*.

Французские революционеры ввели моду на переименования городов и сел: десятки больших и малых французских населенных пунктов утратили свои старые имена в конце XVIII века, особенно те, названия которых имели отношение к христианству.

Во время революции слово «saint» («святой, священный») не просто бойкотировалось – его вытравливали из сознания населения, спешно убирая с карт – в то время как оно было составной частью многих названий городов и селений. Такая политика объяснялась отрицательным отношением к религии новой революционной власти. Новые наименования, которые давались вместо «идейно устаревших», были непосредственно связаны с символами эпохи Просвещения: *Saint-Lô* стал *Rocher de la Liberté* (Скалой свободы), *Sainte-Mère-Eglise* (святая мать Церковь) стала *Mère-Libre* (свободной матерью), *Saint-Piense* (Святой Пиенции) дали фонетически близкое название *Sapience* (мудрость). Встречавшиеся в композитных именах слова *comte* (граф), *roi* (король) были заменены революционными: *Martigny-le-Comte* – *Martigny-le-Peuple* (Мартиньи-Народ), *Malay-le-Roi* – *Malay-le-Républicain* (Мале-Республиканское) и *Marly-le-Roi* – *Marly-la-Machine* (Марли-Машина, в честь гигантского насоса, который качал воду для садов Версаля и Марли). *Saint Symphorien* (Святой Симфорий) стал *Symphorien* (Симфорием), но из-за созвучия первого слога «sym» слову «saint» город был дополнительно переименован в *Phorien*.

Марсель, или Город без названия. Фотография Сергея Никитина

Появлялись и названия, демонстрировавшие массовую увлеченность античной тематикой: *Montfort-l'Amaury* стал называться *Montfort-le-Brutus* (Brutus – Брут; Замок Брут), *Monaco – Fort-d'Hercule* (*Hercule* – Геракл; Форт Геракла).

Принципиально важными для концепта топонима в революционной Франции являются переименования крупных старинных городов: Марсель (*Marseille*) стал *Ville-sans-Nom* (город без названия), а Тулон (*Toulon*) стал *Port-la-Montagne* (порт горы). Эти города – центры антиякобинских сил – были переименованы «в наказание», после долгих кровопролитных боев. Переименование стало актом своеобразного «очищения» от прошлого после сокрушения врагов. Тулон был синонимом контрреволюции, поэтому от него избавлялись и в других названиях: деревушка *Toulon* в регионе Овернь стала *Mont-la-Loi* (гора закона), бургундское село *Toulon-sur-Aroux* стало *Bel-Air-sur-Aroux* – «чистым воздухом на (реке) Ару». Эти красивые топонимы напоминают перифразы Санкт-Петербурга: Окно в Европу, Северная Венеция, Колыбель революции, Город Ленина (ср. название, которое получил при переименовании *Moussel: Montagne-du-Droit-de-l'Homme*, гора прав человека). Неудивительно, что с окончанием революции подавляющее большинство этих переименований были упразднены.

В топонимии Европы Французская революция сыграла огромную роль. К примеру, Наполеон ввел в Европе новую моду: главные площади покоренных городов посвящали Свободе, а в центре площади непременно сажали символическое дерево Свободы.

Таким образом, в революционной Франции конца XVIII – начала XIX века переименование географического объекта было привычным явлением. И эта мода распространялась как на маленькие улочки, так и на крупные города. При этом все чаще встречались топонимические посвящения деятелям культуры, национальным героям и историческим событиям. Революционеры пытались передать в географических названиях свои ценностные ориентиры и новое мировоззрение, в котором значительное место занимали античность... и ботаника.

Революционеры, взяв пример у Северо-Американских Соединенных Штатов, стали сажать деревья Свободы – тополя, которые должны были жить и расти вместе с Республикой. За годы революции посадили 60 тысяч деревьев! А потом, с возвратом монархии, выкорчевывали (как на гравюре в 1850 году) и снова сажали – едва в городе снова побеждала революция! Французы перенесли эту традицию в покоренные ими за годы Наполеоновских войн страны. Виллем Кок, по рисунку Йоханнеса Петруса Ван Хорстока. Дерево свободы, установленное возле ратуши в Алкмаре, 1795. Рейксмузеум, Амстердам

Революция сделала язык географических названий частью общественной жизни, темой активного обсуждения, затрагивавшего все более широкие круги. Переименования продолжались в Европе на протяжении всей первой половины XIX века. Российская топонимия XIX–XXI веков – как часть большой европейской системы – немыслима без новых типов названий, впервые заявленных французами.

Глава 4. ТОПОНИМИЯ КАК ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПРОЕКТ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ

Просвещенная правительница, состоявшая в переписке с Вольтером, окончательно закрепостившая крестьян, автор драматических произведений, неутолимая и неутомимая Екатерина II, урожденная княжна София Августа Фредерика Анхальт Цербстская, родившаяся в Штетине (на границе нынешних Польши и Германии), вошла в историю как выдающаяся правительница, без которой невозможно представить карту нашей родины. Достаточно сказать, что в ее правление в нашей стране было основано 144 города; недаром до революции улицы ее имени (и памяти) значились на картах едва ли не каждого второго крупного города империи.

В ее эпоху – с 1762 по 1796 год – активно и планомерно вводились в обиход географические названия новых структурных и семантических типов; при ней был принят ряд законодательных актов, касавшихся географических названий и административно-территориального деления. Абсолютное большинство топонимов того времени было создано в Петербурге ее непосредственным окружением и при ее участии. При Екатерине топонимическое творчество власти достигло пика, обретя в большинстве случаев четкую орфографию и получив новое функциональное оправдание. Таким образом, в данном случае мы можем говорить о государственной топонимии екатерининского времени как системе, причем наследие Екатерины II столь велико, что мы будем разбирать его в нескольких тематических главах.

В сентябре 1765 года началось грандиозное Генеральное межевание, то есть мероприятия по установлению точных границ отдельных владений, осуществлявшееся до конца XVIII века. В его рамках впервые была зафиксирована и подверглась систематизации географическая номенклатура; в Российской империи наконец появились полные списки населенных пунктов.

И тут Екатерина II обратила внимание на... стиль.

В постановлении от 31 октября 1767 года о регистрации данных о населенных пунктах особо оговаривался вопрос о переименовании земель, пустошей, речек, ручьев и других урочищ, «оказавшихся при межевании с неблагопристойными названиями». Эти названия предлагалось исправлять без какого-либо специального уведомления или обсуждения: объекты «под непристойными названиями, а особливо срамными, в межевых книгах и планах писать иными словами, исключая из прежних названий или прибавляя вновь некоторые литеры по пристойности, чтоб через то имели они уже не срамное название».

Очень жаль: так мы потеряли много старинных названий, несмотря на то что мотив для переименований был гуманистический – имя не только у человека, но и у места должно быть благопристойным. Корректировка топонимии стала свидетельством нового отношения государственной власти к именам собственным как к элементам жизненного пространства.

В качестве примера такого облагораживания – в 1779 году село *Пьянский Перевоз* стало *Перевозом*. Вроде бы с карты Нижегородской губернии убрали «пьянь». Однако слово «пьянский» указывало на реку *Пьяна*, на берегах которой, между прочим, произошло историческое сражение суздальско-нижегородского войска под водительством князя Ивана Дмитриевича с татарами в 1377 году, после которого князь утонул в реке, Рязань была взята, а Нижегородское княжество разграблено.

То, что государство озаботилось стилистикой географических названий, имеет огромное значение. С XVII века до нас дошло лишь одно подобное монаршее переименование: московская *Чертольская улица* стала *Пречистенкой*. Но тогда речь шла все-таки о чертях и богобоязненном царе Алексее Михайловиче, а новое название улица получила от Смоленской иконы Пречистой девы Марии Новодевичьего монастыря.

Нижнедевицк в Воронежской области, который звучит как город, с 1929 года «разжалован» в село. У входа в центральный парк нас встречают девушки, имена которых установить не удалось. Благодарим за предоставленную фотографию Сергея Серова

В правление императрицы на основе изучения старых топонимов была сформулирована современная норма для названий городов. Из существовавших вариантов выбирались (создавались) слова мужского рода, оканчивавшиеся на -ов/-ев или -ск (по аналогии: *Киев, Юрьев, Смоленск, Брянск*). Так появились на карте *Макарьев* (бывшая слобода Макарьевского желтоводного монастыря), *Киренск* (бывший Киренский острог), *Задонск* (бывший Задонский монастырь), *Кириллов* (бывшая слобода при Кирилло-Белозерском монастыре), *Петрозаводск* (бывшая слобода при Петровском заводе) и другие.

По такому же принципу городам давались названия и по географическому положению, от гидронимов: *Хвалы́нск* на Волге, ныне в Саратовской области, – по Хвалынскому морю, старому названию Каспийского моря, в которое впадает Волга; *Волгск* (по Волге, ныне *Вольск*), *Нижнедевицк* на реке Девице, до этого село *Нижняя Девица*. Такие топонимы образовывались по уже известной старинной модели: *Свияжск* на слиянии рек *Свияги* и *Щуки*; *Слуцк* в Белоруссии по реке *Случь*.

Мы до сих пор используем такие же принципы, когда придумываем названия городам, которые строим: *Нижневартовск, Нефтеюганск* и даже юмористический собирательный топоним *Верхнеямск*, которым сценаристы украсили комедийный сериал «Год культуры».

Некоторые названия, как отметил исследователь Евгений Поспелов, хотя и не были при Екатерине оформлены на -ск, в дальнейшем все же получили такое окончание:

Малый Архангельский Город – Малоархангельск;

Подол – Подольск;

Егорьев – Егорьевск;

Рыбной – Рыбинск.

Глава 5. ОТ СЕВАСТОПОЛЯ ДО КОНСТАНТИНОПОЛЯ. ГРЕЧЕСКИЙ ПРОЕКТ

Россия – Украина – Киргизия

*Где-то тут моя радость живет.
Где-то тут на Крыжополь...
На Крыжополь должен быть поворот.*

Жуки

Политическая функция топонимии екатерининского времени в полной мере проявляется в ансамбле Греческого проекта, который развивался на огромной территории в соответствии с указами 1773, 1777 и 1783–1784 и 1790 годов.

Главной задачей Греческого проекта было восстановление Греческой империи с центром в *Константинополе*. Главными авторами проекта принято считать графа Александра Безбородко и князя Григория Потемкина; по-видимому, им принадлежала и сама идея единого топонимического решения для земель, присоединенных к России в ходе Русско-турецких войн, а заодно и для окрестностей Северной столицы.

Наиболее заметными были греческие формы: *Севастополь*, *Симферополь*, *Овидиополь*, *Феодосия*, *Александрия*. Первыми известными «греческими» названиями в России, оканчивавшимися на *-поль*, были крепости петровского времени *Ставрополь* и *Екатеринополь*. Топонимы-грецизмы Екатерины II развивали российскую экспансию в том же Южном направлении. В русскую топонимию эти названия вошли во французской фонической форме (*-pole*).

Некоторым топонимам приписывалось древнее происхождение, или, иными словами, археологичность: считалось, что города *Одесса*, *Херсон*, *Феодосия* существуют на месте древнегреческих поселений, и эти имена были как бы «восстановлены», хотя в дальнейшем выяснилось, что древние названия *Одессос* и *Херсонес* были даны населенным пунктам в других местах.

К ряду археологических относилось и название *Севастополь*: ученым в те времена было известно о существовании города с таким названием. Однако значительно позднее было установлено, что город с подобным названием был некогда на месте нынешнего *Сухума* (Абхазия). Сначала это была колония Милета *Диоскурия*, порт на Черном море, а в римскую эпоху его называли *Себастополис* по имени основателя Римской империи императора Октавиана *Августа*, которого сенат наградил почетным именем «отца отечества». Слово *себастос* (Σεβαστός) – перевод на греческий имени Август: «полный достоинства; величественный, благородный, высочайший». Мы и теперь называем королей «августейшими особами». Поскольку местоположение древнего города оставалось неизвестным, именем *Севастополь* был назван новый морской порт: дата основания современного Севастополя – 3 (14) июня 1783 года, но назван он так впервые в указе Екатерины II от 10 (21) февраля 1784-го. Восстановленное на карте название *Феодосия* (от греческого «богом данная») относится к этому же археологическому ряду.

Стамбул и Айя-София. Фотография Сергея Никитина

Другие названия были придуманы заново:

Симферополь («город-собиратель»);

Ставрополь («город креста»);

Ольгополь («город Ольги»);

Тирасполь («город на Днестре»);

Мариуполь («город Марии», по имени Марии Федоровны, жены Павла I, родившей Екатерине любимого внука Александра);

Ольвиополь («счастливый город») и другие.

По информации Евгения Поспелова, топоним *Ставрополь* на Кубани «был предложен Г. А. Потемкиным, как считают, по преемственности от крепости *Ставрополь*», основанной Петром Великим. В то же время потемкинский топоним был созвучен названию волжского поселения *Ставрополь*, основанного в 1737 году (с 1964-го – *Тольятти*).

Важно отметить, что большинство греческих названий на *-поль* носят мемориальный характер, являясь посвящением умершим людям или напоминанием о событиях прошлого. Для мировоззрения екатерининского времени показательным мемориальным названием является *Григориополь* (город вблизи *Тирасполя*), присвоенное в 1792 году, в соответствии с указом Екатерины II о благоустройстве юга, в котором говорилось: «Господин Екатеринославский губернатор Каховский! Возложь на вас население и благоустройство земли, новоприобретенной нами от Порты Оттоманской, за нужно находим обособливаю вашему поручить попечению переведенных на оную из-за Днестра армян. Покойный князь Григорий Александрович Потемкин-Таврический назначил быть городу армянскому под именем Григориополь <...>. Мы утверждаем сие назначение и повелеваем: Первое: отвести помянутую округу, между долин Черной и Черницы лежащую, со вмещением обеих оных под город армянский, который и именовать Григориополь». В воскресенье 25 июля 1792 года в долине рек Черная и Черница в тор-

жественной обстановке, при огромном стечении армян – переселенцев и гостей, приглашенных из-за границы, состоялась закладка города.

Получилось во всех смыслах удачное название.

Во-первых, обе основы этого топонима – греческие («γρηγορ-» – бдящий, бодрствующий + город), что соответствует требованиям к составному названию. И со смыслом – против турок!

Во-вторых, это посвящение и мемориальное прославление князя Григория Александровича Потемкина, видного политического и военного деятеля, фаворита императрицы, умершего в возрасте пятидесяти двух лет в Унгенском районе Молдавии, в ста сорока километрах от места основания нового города. *Григориополь* образован по модели, применявшейся для посвящений членам царской семьи (ср. *Мариуполь*, *Ольгополь*), и уравнивает с царской фамилией политического деятеля и морганастического супруга Екатерины, которого при жизни называли выскочкой.

В-третьих, город основан для армянских переселенцев, для которых это имя прежде всего соотносится с именем просветителя Армении, первого католикоса всех армян. Понятно, что Григорий Потемкин был крещен по имени другого святого, Григория Чудотворца. С другой стороны, это имя относится к числу непосредственно относящихся к эпохе раннего христианства, его носили шестнадцать римских пап и семь православных патриархов.

К мемориальным названиям относится также *Ольгополь* (ныне Винницкая область, Украина) – имя, присвоенное в 1795 году селению *Рагузка-Чечельницкая* в память Ольги Павловны, внучки Екатерины II, умершей в возрасте двух с половиной лет. Державин, потрясенный видом убитой горем бабушки на похоронах, написал об этом событии оду и потом еще вспоминал: «седые растрепанные волосы, бледна и безмолвна, что составляло страшный позор (то есть зрелище. – С. Н.)».

Топоним *Пелла* (ныне город *Отрадное*) под Петербургом был присвоен в 1784 году помещице, купленной бабушкой для внука Александра, будущего императора, как символическое напутствие: *Пелла* – столица древней Македонии, в которой родился легендарный полководец Александр Македонский. В то же самое время за две тысячи километров от усадьбы *Пеллы* казачье селение *Усово* (с крепостью Святой Елизаветы) было переименовано в *Александррию* (позднее *Александрийск*, *Александрия*); ныне это районный центр Кировоградской области Украины.

Среди греческих мемориальных названий оказался... первый деятель культуры на карте России! Небольшой районный центр *Овидиополь* в устье Днестра, в Одесской области призван напоминать о великом римском поэте Публии Овидии Назоне, который был выслан из Рима императором Августом (тем самым, о котором напоминает имя *Себастополя*). Овидий на Черном море создал два знаменитых поэтических сборника – «Скорбные элегии» и «Письма с Понта». Восемь лет он прожил в городе *Томис*, там и умер в 17 или 18 году нашей эры. По представлениям ученых конца XVIII века, местом ссылки поэта была именно современная Одесская область. Теперь установлено, что *Томис* находился западнее – теперь это *Констанца*, порт в Румынии.

Петла на карте Санкт-Петербургской губернии, Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию империю разделяющий [Карты] / сост. А. М. Вильбрехт. С-Пб., 1800

Указ об Овидиополе был подписан императрицей 27 января 1795 года. В это же самое время в революционной Франции активно присваивались названия по именам литераторов, причем особо почитали древних. В России улицы памяти Пушкина стали появляться лишь с 1880 года – и первой увековечила его Одесса.

Греческая мода и политизация топонимов породили поэтическое наименование Санкт-Петербурга – *Петрополь*, то есть *город Петра*. Это одно из первых наименований города на Неве, и впервые зафиксировано оно в 1703 году в письме самого Петра. В дальнейшем *Петрополь* становится тропом на карте России, с ним связаны знаменитые строки русских поэтов. В 1742-м его употребляет Михаил Ломоносов в оде на прибытие Елизаветы Петровны в Санкт-Петербург после ее коронации:

Петербургские мечтатели почтили римского императора Августа возрождением древнего топонима Себастополис, данного в его честь; вспомнили и знаменитого поэта Овидия, которого Август выслал из Рима на Понт, предположительно за его книгу «Искусство любви». Император Август. Музей Пола Гетти, Лос-Анджелес

Петрополь славный и полезный...

Он заметен у Гавриила Державина:

*Муз богиня удалилась,
Из Петрополя сокрылась;*

или:

*Златыя Петрополя башни
Блистаютъ, какъ свѣщи...*

У Семена Боброва:

*Верхи Петрополя златые
Как бы колеблются меж снов.*

Так мог назвать город и Александр Пушкин:

*Садись на тройку злых коней,
Оставь Петрополь и заботы...*

Или в «Медном всаднике»:

*И всплыл Петрополь как тритон,
По пояс в воду погружен...*

или:

*Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь...*

И друг Пушкина Антон Дельвиг:

*Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину...*

И поэт Владимир Бенедиктов:

*Все смолкло. Тишина в чертогах и во храмах;
Ночь над Петрополем прозрачна и тепла...*

Его использовал и Осип Мандельштам:

*В Петрополе прозрачном мы умрем,
Где царствует над нами Прозерпина;*

И в других известных строках:

*Мне холодно. Прозрачная весна
В зеленый пух Петрополь одевает...*

Призрачный топоним до сих пор привлекателен. Эллинизированная форма закрепляется, мифологизируется, и в XXI веке «Петрополь» – это имя собственное: название строительной компании, киностудии, литературного альманаха, художественной премии, книжного магазина (в городе Бостон, США).

Название *Петрополь* никогда официально не употреблялось в Российской империи, но неожиданно появилось на карте СССР: в 1928 году возникло село *Петрополь* (укр. *Петропіль*) в Запорожье. Любопытно, что в той же области можно встретить и *Марфополь*, но в этих двух сельских именах *поль* значит уже просто *поле*, как у соседней столицы батьки Махно *Гуляй-поле*, или, например, как *Ленинполь* (ныне *Бакай-Ата*) в Киргизии.

Глава 6. ЯИК → УРАЛ. ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ РАДИ ЗАБВЕНИЯ

Казахстан – Россия – США – Китай

В древности случалось всякое: в немилость попадали не только отдельные люди и целые народы, но даже моря, проливы и реки. Об этом нам известно благодаря «отцу истории» Геродоту. Персидский царь Ксеркс I прогневался на пролив *Геллеспонт*, соединяющий Мраморное и Эгейское моря, за то, что буря разметала построенный по его повелению понтонный мост. Персидские палачи, бывшие при войске, высекли море плетью и бросили в его воды цепи. «О ты, горькая вода! – приговаривали они. – Так тебя карает наш владыка за оскорбление...» Однако вскоре, решив, что переборщил и нужно задобрить море, царь стал приносить ему дары. Дело было в 479 году до нашей эры; теперь это пролив *Дарданеллы*. Другой персидский царь – Кир, – по словам Геродота, в гневе приказал наказать реку *Гинд* (современная *Дияла*), когда одна из священных белых лошадей утонула при переправе. К делу подошли по-научному: целое лето персидское войско рыло 360 каналов, чтобы отвести воду из реки.

Но то было в глубокой древности, сам Геродот жил в V веке до нашей эры. В относительно близкие к нам времена, в эпоху Екатерины II, гонения обрушились на реку *Яик*. В 1775 году среди прочих мер по ликвидации последствий грандиозного пугачевского восстания были приняты и топонимические: река *Яик* (от тюрк. «разостланный, широкий») была переименована в *Урал*. Переименование осуществили «для совершенного забвения сего, на Яике последовавшего несчастного происшествия...».

В этом указе концептуально все. Для эпохи Просвещения характерна физико-географическая мотивация нового наименования: «по причине той, что оная река истекает из *Уральских гор*, переименовать *Уралом*, а по тому и войско наименовать *Уральским*, и впредь *Яицким* не называть, равно и *Яицкому городу* называться отныне *Уральск*». Сравните с другими подобными гидронимами екатерининского времени: *Донецк*, *Днепровск*. Время подтвердило успешность нового наименования, полностью вытеснившего прежнее название.

Это переименование осуществили «по просьбам трудящихся»: в ответ на прошение «Генерала Потемкина, учиненное именем всех испытанных в ревности и усердии войска Яицкого чинов, кои, во время известного неурядиства некоторых из собратий их в верноподданнической своей должности остались непоколебимыми; равным образом и тех, кои познав тягость содеянного ими вероломства, с чистосердечным возвратились раскаянием». То есть для власти было важно, что переименование принято народом – хотя вряд ли кто-то из казаков думал в тот момент о замене имени. Это были исключительно петербургские решения. Потемкин заложил модель описания участия населения в официальной топонимике: в советское время подобные решения оформлялись «по просьбам жителей и трудовых коллективов», притом что трудящиеся о них ничего не знали.

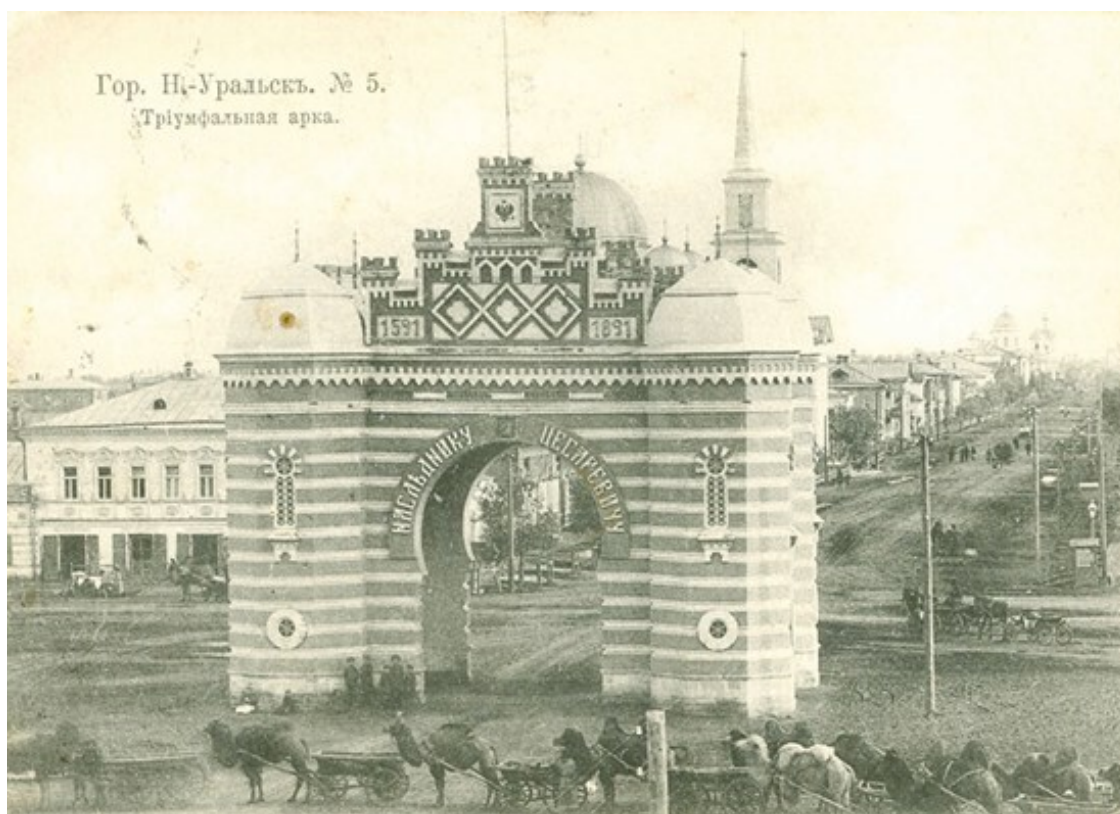

Тут Гелла упала в море – оттого пролив Дарданеллы долго называли ее именем – Геллеспонт. Фрикс и Гелла. Иллюстрация из книги J. C. Andrä «Griechische Heldensagen für die Jugend bearbeitet» (Berlin: Verlag von Neufeld & Henius, 1902), воспроизводящая фреску из Помпей

Исток Урала напоминает кладбище. О, где же вы, уральские дизайнеры? Учалинский район Башкирии. Фотография Екатерины Яковлевой

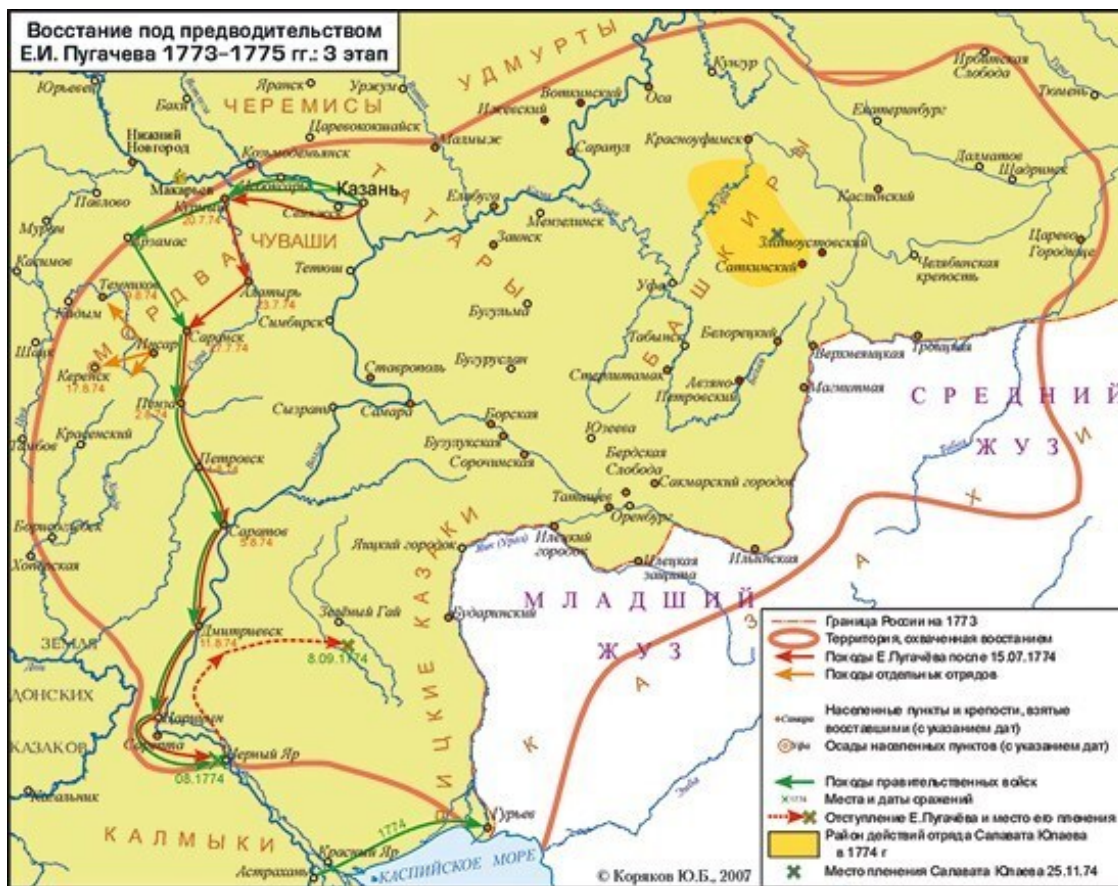
Такое переименование, решающее определенные внутривластные задачи, вполне сопоставимо с переименованиями поверженных контрреволюционных центров в период Французской революции (1789–1799): *Тулона*, *Марселя* и других. Целью этих акций было предать забвению трагические кровопролитные события; при этом новые названия образовывались исходя из географического положения объектов.

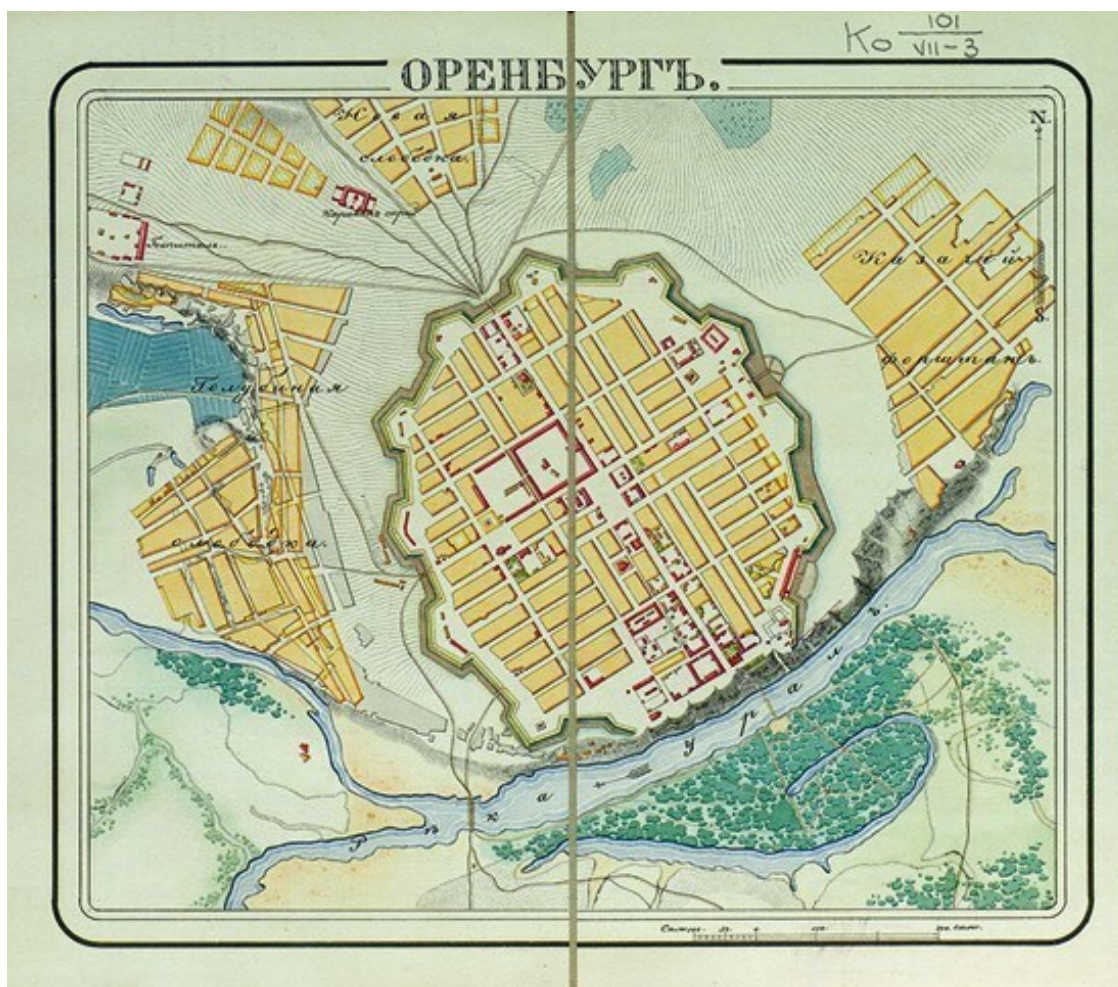
К приезду будущего царя Николая II жители Уральска (ныне в Казахстане) поставили арку – в память о казаках, триста лет самоотверженно служивших царям Романовым и Отечеству. Здание было выполнено в мавританском стиле (далековато от казаков и Романовых, но красиво). Ныне арки нет, а площадь названа в честь Абая Кунанбаева, родоначальника казахской литературы. Город Н.-Уральск. Триумфальная арка. Почтовая карточка. Начало XX века

Именно с переименований рек начинается и советская топонимия, причем, обратите внимание, совсем не по причинам политическим: в августе 1918 года жители деревушки *Запердяжье* получили разрешение Кремля переименоваться в *Цветкову*, а свою речушку *Запердяжку* наименовать *Цветочной*.

В конце 2018 года новостные ленты мира сообщили, что Китай переименовывает речушку с арабским звучанием в городе *Иньчуань*, «дабы обуздать „исламское влияние“ в стране». В комментарии для СМИ правительство уточнило, что запрос о переименовании пришел от местного департамента водных ресурсов, как предусмотрено Положением о названиях общественных мест. Имя *Айи* звучало слишком похоже на *Аиша* – имя одной из жен пророка Мухаммеда, и теперь река носит архаическое имя *Дианнонг* – так назывался город Иньчуань в эпоху династии Хань (206 год до нашей эры – 220 год нашей эры). Эта замена – политическая: правительство Китая ведет борьбу с идентичностью мусульман-уйгуров, составляющих треть населения этой провинции.

В какой-то момент войско Пугачева заняло большую часть Урала и Поволжья. Пугачев с сообщниками для пущей важности называл деревню Каргалу (Сеитовский посад) Петербургом, Сакмарский городок (ныне – Сакмарск) – Киевом, а излюбленную им резиденцию Берды под Оренбургом – Москвой. Восстание под предводительством Е. П. Пугачева 1773–1775 гг. 3 этап. Карта. © Юрий Коряков

Орѣнбургъ. Атлас крепостей Российской империи. – Б. м., [183-]. РГБ

В среду 20 февраля 2018 года сенат штата Джорджия единогласно проголосовал переименовать *Ручей беглых негров (Runaway Negro Creek)* в ручей Свободы (*Freedom Creek*): «Намеренно или нет, нынешнее название ручья призвано укреплять, прославлять и увековечивать преступную позицию в отношении мужчин и женщин, которые имели неотъемлемое право на жизнь, свободу и стремление к счастью». Живописный ручей течет по территории природного парка. По словам местного историка Джамала Туре, ручей получил свое название в честь рабов, которые во время Гражданской войны пытались переплыть на прибрежные острова, оккупированные войсками Линкольна, которые воевали против рабовладельческого Юга. Полторы мили водяной Свободы потребовалось утверждать на всех уровнях государственной власти; лишь в апреле 2019 года название окончательно вступило в силу – после обсуждения в Совете географических названий США.

Так что переименовывать реки – по-прежнему модная, актуальная задача для бюрократов разных стран.

Глава 7. МАРКС, ЗОРКИНО И ПАМЯТЬ О НЕМЦАХ ПОВОЛЖЬЯ

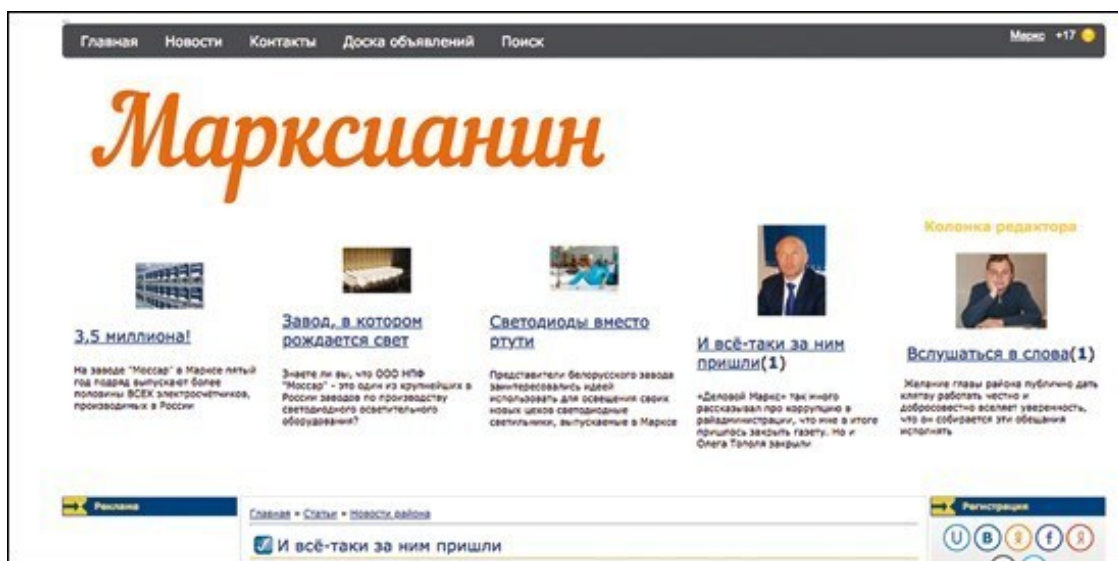
Саратовская область – Екатеринытадт – Маркс

При Петре I самые технологичные отрасли экономики пополнялись иностранными кадрами. Екатерина пошла дальше и решила укрепить немцами сельское хозяйство, а заодно – цивилизовать плодородные, но беспокойные южные волжские степи, жившие в постоянном ожидании набегов кочевых племен.

Так появилась немецкая топонимия Нижнего Поволжья, от которой, правда, нынче остались лишь воспоминания. Территория по обе стороны Волги была заселена колонистами из Германии, Дании и Швейцарии. На основании Манифестов Екатерины II от 4 (15) декабря 1762 года и 22 июля (2 августа) 1763 года о правах и льготах для иностранцев немцы переселялись в Россию целыми селениями. Всего прибыли 23 200 колонистов, которые основали 105 колоний (данные здесь и ниже приводятся по работам Александра Шпака). Своим поселениям – как часто бывает с переселенцами – они давали имена родных городов. Так в волжских черноземных степях появились *Цюрих*, *Базель* и *Карлсруэ*. Сведения об этом топонимическом архипелаге можно теперь найти только на старых картах: в 1944 году вслед за депортацией немцев изначальные названия были заменены на русские.

*Недавно в Зоркино восстановили церковь Иисуса Христа. Зоркино – переосмысление изначального названия *Zurich* – Зурик. Колонисты назвали новую родину в честь родного Цюриха. Лютеранская церковь Иисуса в селе Зоркино Саратовской области. Фотография Светланы Марцинкевич-Майер*

Единственная газета Марковского района Саратовской области «Деловой Маркс» решилась на ребрендинг: читайте «Марксианин»! (<http://www.marksianin.ru/>)

Целого ряда топонимических посвящений был удостоен первый директор колонии, деятельный барон Кано де Борегард (вариант: Кано де Борегардт) и даже его семья. В топонимии оказались увековечены его имя, фамилия и титул: *Кано, Борегард, Баронск (Екатериненштадт)*; а также имя его жены Сусанны и детей Эрнестины и Филиппа: *Сусаннталь* (ныне *Сосновка*); *Эрнестиндорф* (равнина Эрнестины, впоследствии *Беккердорф*, ныне *Березовка*); *Филиппенфельд* (вариант: *Филипсфельд*, буквально «поле Филиппа»).

Имена и фамилии старост и колонистов немецких поселений вошли на карту фактически без изменений: *Урбах, Шефер, Бальцер (Balzer)*. В честь полковника Отто Фридриха фон Монжу, руководившего строительством нескольких колоний, были названы две другие колонии – *Обер-Монжу* (ныне село *Кривовское*) и *Нидер-Монжу* (село *Бобровка*); старые названия переводились как «Верхнее Монжу» и «Нижнее Монжу».

Матушке-императрице Екатерине был посвящен главный населенный пункт колонии – село *Екатериненштадт*. В издании 1901 года «Россия» сообщение о *Екатериненштадте* начинается с путаницы:

«Главная из немецких колоний *Екатериненштадт*. Колония основана в 1765 году голландским выходцем, бароном Борегаром, почему и до сих пор носит название *Баронска*»: то есть город одновременно имел два официальных названия! Обычная практика для сел XIX века, но удивительная для города. Первое название было правильной фонетической адаптацией германизма *Katarinenstadt*, с единственным отличием в виде русской «е» в начале имени – в качестве приметы «высокого стиля» (ср. также имя императрицы – *Елисавет*). Второе официальное название – *Баронск* – являло собой пример топонимического посвящения конкретному деятелю по его титулу. Получилось не просто оригинально, а исключительно: ни до ни после в нашей топонимии не встречалось ни *Царсков*, ни *Княжсков*. Не исключено, что город сразу строился как *Екатериненштадт (Katarinenstadt)*, а название *Баронск* было дано жившими по соседству русскими. После 1915 года он получил название *Екатериноград*, с 4 июня 1919 года и до ликвидации Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья (АССР НП) – *Марксштадт*. В разгар Сталинградской битвы его дегерманизировали еще разок – ныне это город *Маркс* Саратовской области.

В дальнейшем немецкая миграция и, соответственно, топонимия распространились на другие российские территории, в частности на Нижнее Приднестровье, Украину, Урал и Кав-

каз, в начале XX века на карте Российской империи насчитывалось около трех тысяч немецких названий.

Глава 8. РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ СЫНА. ДЕ-ЕКАТЕРИНИЗАЦИЯ ТОПОНИМИИ В ПРАВЛЕНИЕ ПАВЛА I

Великий князь Павел Петрович рос без родительской любви в тени своей властолюбивой матери, Екатерины II. Мать он не любил, не мог простить ей убийство отца, Петра III. Похороны Екатерины он превратил в символический акт отмщения: по его указанию гроб с телом Петра III извлекли из склепа Александро-Невской лавры, где он был прежде захоронен, и выставили в тронном зале Зимнего дворца рядом с гробом Екатерины. А один из главных участников дворцового переворота, Алексей Орлов, нес на золотой подушке корону убитого им императора. В Петропавловском соборе обоих отпели и похоронили в одном склепе.

В сорок два года наследник наконец получил престол, и на карту империи сразу выплеснулась неприязнь сына к матери. Основанные при Екатерине II *Екатеринослав* (*Екатеринославль*, потом *Днепропетровск*, ныне *Днепр*), *Феодосия* и *Севастополь* в начале правления Павла I стали соответственно *Новороссийском*, *Кафой* и *Ахтиаром* (1797). Из трех этих названий, закрепленных соответствующим постановлением, только *Новороссийск* было действительно новым; оно образовано от слова *Новороссия*, которым в официальных документах XVIII века называли все южнорусские приобретения Российской империи.

— 112 —

бываніе, отправляющѣ по кордону свои караулы. Я остался здѣсь ночевать, и по приглашеніи начальствующаго надъ симъ войскомъ имѣлъ ночлегъ въ его домъ.

15 число Іюня.

Ахті-
аръ, ¹⁵
верспъ. Въ 15 верспахъ отсюда находится Ахтіаръ, очень хорошій городъ, построенной въ наши времена на глухой степи въ новѣйшемъ Европейскомъ вкусѣ; почему онъ странной представляетъ собою видъ среди прочихъ Азіатскихъ въ Крыму городовъ. Прежде онъ назывался Севастополемъ, а нынѣ нареченъ Ахтіаромъ по бывшей неподалеку отъ него деревни сего же имени. Ахтіаръ стоитъ на возвышеніи задомъ къ морю, не далѣе полупоры верспы отъ онаго, на берегу южной Бухты, къ которой склоняются амфитеатромъ нѣсколько рядовъ улицъ, одна другой выше съ преизрядными каменными добрыхъ фасадовъ домами; по другую же ея сторону видны большія зданія, какъ-то: морской арсеналь, флотскія и артиллерійскія казармы и слобода поселенныхъ невольниковъ. За сею Бухтою въ маломъ отъ нея разстояніи

Описание Ахтияра. Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году, с историческим и топографическим описанием всех тех мест. М., 1800

В отношении двух других названий необходимы более подробные пояснения.

Имя *Кафа* употреблялось в отношении *Феодосии* генуэзцами и захватившими ее в дальнейшем турками. Так ее называл и Афанасий Никитин: «И на корабль приидох и сговорил о налоне – дати золотой от своа главы до Кафы; а золотой есми взял на харчъ, а дати в Кафе <...> Божию милостию приидох в Кафу за 9 дни до Филипова заговения». Возвращение топонима «Кафа» стало знаком того, что из неприязни к матери Павел готов был – по крайней мере на карте – отказаться от ее завоеваний.

То же с *Севастополем*: город был основан на территории, отвоеванной у Османской империи. При Павле *Севастополь* (от греч. «Величественный город») получил тюркское название *Ахтиар* – по старой татарской деревне *Ахтиар* (в переводе – «Белый овраг») и *Ахтиарской бухте*, на берегу которой и строился город. *Симферополь* также вернули к имени деревушки – *Ак-Мечеть*. Возвращая на карту тюркизмы, Павел заявлял, что Греческий проект больше не актуален, и с Османской империей мы не воюем.

«Новые» старые названия продержались недолго. В первые же годы своего правления Александр I, любимый внук Екатерины II, восстановил *Екатеринослав*.

Возвращение старых географических названий при Павле было призвано перечеркнуть все выраженные в них внешнеполитические, военные и дипломатические концепции екатерининского времени. В статье «Екатеринослав» в Энциклопедии Брокгауза и Ефрона обратное переименование *Новороссийска* в *Екатеринослав* датируется 1802 годом, и этот акт напрямую связывается с воцарением Александра I, правда, без указания источников. Большой энциклопедический словарь 1991 года датирует восстановление топонима «Севастополь» 1801 годом. Интересно, что, по данным Евгения Поспелова, соответствующего указа по обратному переименованию южнорусских городов издано не было.

Новороссійскъ вместо Екатеринослава, Ахтияръ вместо Севастополя, Ак-Мечеть вместо Симферополя – это карта Новороссійской губернии эпохи Павла I. Российский атлас из сорока трех карт состоящий и на сорок одну губернию имперію разделяющий [Карты] / сост. А. М. Вильбрехт. С-Пб., 1800

Руины московского Царицына еще недавно напоминали нам о нелюбви сына и матери. Руины Большого Царицынского дворца в 2003 году. Фотография Андрея Корзуна

Таким образом, просуществовав несколько лет, переименования павловского времени исчезли, будто имели отношение не к реальным географическим объектам, имевшим стратегическое значение, а к придворной интриге. Топоним *Новороссийск*, замененный на *Екатеринослав*, оказался востребован в недалеком будущем: через несколько десятилетий он был присвоен новой российской крепости (1839) на черкесских землях в Цемесской бухте Черного моря – всем известный *Новороссийск*.

А когда *Ахтиар* снова стал *Севастополем*? По версии Сергея Антонова, Павел не подписывал указ об устранении топонимов *Севастополь* и *Феодосия*: до 1826 года в делопроизводстве пары *Севастополь* и *Феодосия* использовались одновременно со старыми *Ахтиар* и *Кафа*.

Личные счёты с матерью не ограничивались картой: только что завершённый Екатерининский дворец в московском Лефортове был демонстративно превращён в казарму, а в саду велено было «постричь деревья в виде петухов и павлинов, и тож и прочими геометрическими фигурами без малейшего упущения». *Царицынский дворец* под Москвой (ныне Музей-заповедник Царицыно) был разрушен, и лишь при мэре Юрии Лужкове грандиозным руинам был возвращён дворцовый облик – увы, с утратой оригинального замысла.

Таким образом, уже на рубеже XVIII и XIX веков топоним был для современников знаковой величиной. Власть превратила топонимию в площадку не только для проявления общегосударственных интересов, но и для сведения внутрисемейных счётов.

Глава 9. ОТ ПОЦАЛУЯ ДО МАКДАКА

Санкт-Петербург – Лондон – Кольчугино – Москва

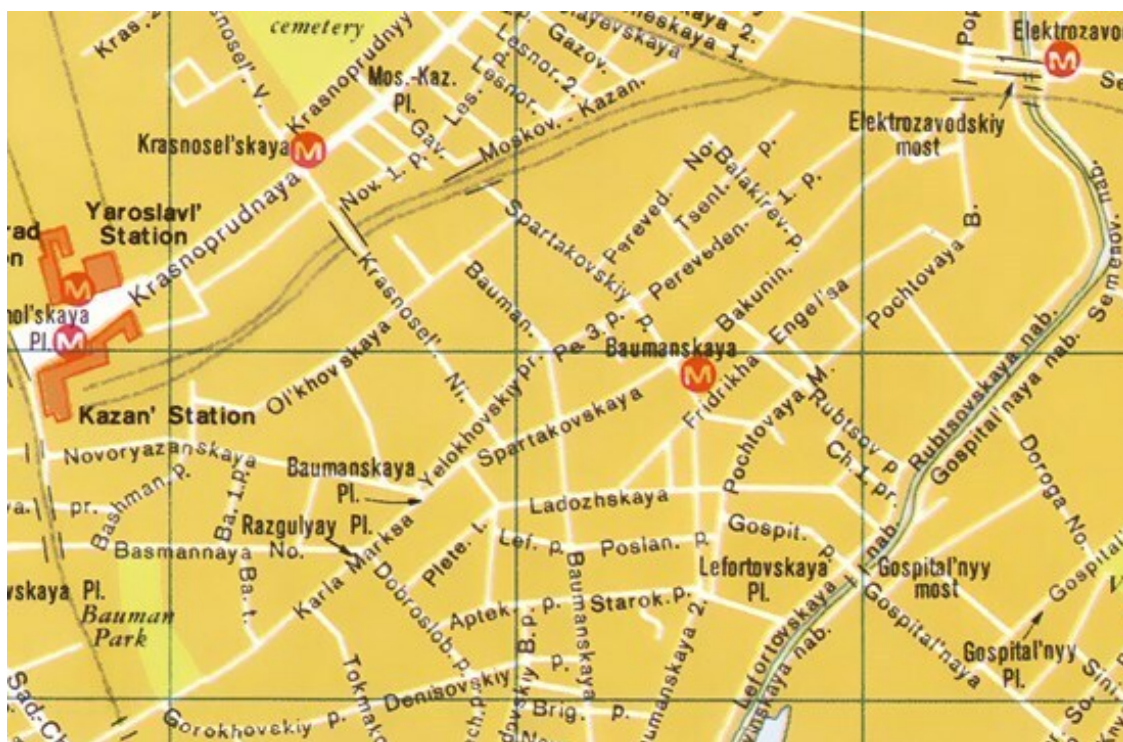
Помните песню Сергея Шнурова «В Питере – пить»? Значительная часть улиц Петербурга в старину именовалась по кабакам. Но эта особенность характерна не только для столицы Российской империи, а для любого крупного европейского города. Тем более что кабаки, как правило, носили оригинальные названия, и из них получались отличные топонимы. В Лондоне шесть станций метро носят названия пабов: «Ангел» («The Angel»), «Слон и Ладья» («Elephant and Castle»), «Швейцарский коттедж» («Swiss Cottage»), «Помещичий дом» («Manor House»), «Долина Майды» (паб «Maida Vale» посвящен герою битвы 1806 года при Майде Джону Стюарту) и, наконец, «Королевский дуб» («Royal Oak»).

Кабак, питейное заведение, трактир – как его ни назови – яркий элемент ландшафта, особенно необходимый в северных широтах. Эффектные названия легко становятся ориентирами и народными топонимами. Популярный, в том числе у криминала, «Зеленый бар» в городе Кольчугино 1990-х годов давно переоборудован в продуктовый магазин, но квартал местные жители по привычке называют «у Зеленого».

Одна из старых улиц Немецкой слободы в Москве – *Ладожская улица*, которая получила свое название от кабака «Ладога». В километре от нее – *площадь Разгуляй*, тоже названная по кабаку. Оба заведения прекратили свое существование лет двести назад, но названия их явно пришлись москвичам по душе. Интересно, что *Разгуляй*, как вспоминал географ Юрий Ефремов, пытались переименовать в *Площадь Бауманского райкома КПСС* (в здании которого ныне располагается администрация Басманного района), несколько лет на автобусных остановках красовалось именно это длинное и скучное название. Но ничего не вышло – имя не прижилось. Заметим, что именно в этой части города – на *Басманных* – сохранилось два столь ценных топонима.

Паб Angel («Ангел»), который дал название станции метро в Ислингтоне. Фотография Сергея Никитина

Площадь Разгуляй на картах Москвы обозначали редко, но ЦРУ этот топоним заботливо разместило. Street map of Moscow. Central Intelligence Agency. United States. Washington. 1974. Библиотека Конгресса США

Впрочем, уже лет двадцать главным героем местного топогенеза является «Макдоналдс», что стоит на пересечении *Ладужской* и *Фридриха Энгельса*. Универсальный дизайн, доступность и всемирная известность сети быстрого обслуживания делают «Макдак» ориентиром в любой части света. Теперь уже говорят не *на Ладужской*, а *за «Макдоналдсом»* или *перед «Макдаком»* и так далее. Потому что и в Париже, и в Москве, и в Лондоне, и в Петербурге все знают, где «Макдоналдс», как раньше местные знали, где ближайший кабак или храм.

Поцелуев мост в Петербурге. Фотография Екатерины Килевой

От московских перейдем к колоритным петербургским топонимам. Все местные влюбленные знают *Поцелуев мост*. Здесь следует обязательно поцеловаться – на долгую совместную жизнь. Мост через Мойку близ *Новой Голландии* официально назывался *Цветным* (указом от 20 апреля 1738 года), но с конца XVIII века стал *Поцелуевым* (или *Поцелуй Мост*): название он получил по питейному дому «Поцалуй» купца 3-й гильдии Никифора Васильевича Поцелуева. Поблизости расположены *Крюковы казармы* и тюремный *Литовский замок* – так что в старину на мостике, возможно, кто-то и в самом деле целовался на долгое прощание.

Еще одно интересное имя – *Расстанная улица* – и тоже по кабаку: «Растанье». Драматичное расставательное имя появилось из-за близости *Волковского кладбища*; в «Растанье», стало быть, проходили поминки. *Улица Барочная* не имеет никакого отношения к стилю барокко: вероятнее всего она получила название от кабака «Барка».

Многое связано в Петербурге с «Красным кабачком», который еще с петровских времен красовался на въезде в город со стороны *Петергофа*. Кабачок вошел в историю в 1762 году: ночь с 28 на 29 июня здесь провела со своими заговорщиками-гвардейцами Екатерина II; наутро Петр III отрекся от престола.

*Вдоль по дороге в Петергоф,
Мелькают в ряд из-за ограды
Разнообразные фасады*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.